A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛIОТЕКА Г.В.ЮДИНА

КНЯЗЬ
МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЬ
СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

ДРАМА

въ пяти актахъ, въ стихахъ,

сочиненіе

*Н. К.*укольника.

(писана весною 1834 года)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи вдовы Плюшаръ съ сыномъ.

1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.

Санктпетербургъ. 17 Октября 1834 года.

Цензоръ *В. Семеновъ.*

В. А. К—ну.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

КНЯЗЬ ДМИТРІЙ ИВАНОВИЧЬ ШУЙСКІЙ.

ЕКАТЕРИНА, жена его.

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЬ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

ПРОКОПЪ ПЕТРОВИЧЬ ЛЯПУНОВЪ.

ВАЛУЕВЪ.
АДАДУРОВЪ.
ГОЛОВИНЪ. — Воеводы подъ Кн. Скопинымъ.
РЖЕВСКІЙ.
ЧУЛКОВЪ.

БОЛОТНИКОВЪ.
ПАШКОВЪ. — Воеводы мятежниковъ.
СУНБУЛОВЪ.

ДЕЛАГАРДИ, Шведскій Воевода.

ФИДЛЕРЪ, Врачь въ домѣ Дм. Шуйскаго.

Французскій Генералъ.

ЯША, Божій Человѣкъ.

АНАСТАСЬЯ, няня Екатерины.

Боярскій сынъ, Сѣнныя Дѣвушки, Воеводы, Рязанскіе и другіе мятежники, народъ Московскій

КНЯЗЬ
МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

ЯВЛЕНІЕ.

Поляна окруженная рѣдкимъ лѣсомъ; вдали сквозь деревъ видно Село Коломенское. — Свѣтаетъ.

ВЫХОДЪ.

Прокопъ Ляпуновъ, Иванъ Болотниковъ, Истома Пашковъ, Григорій Сунбуловъ, и другіе вожди мятежниковъ спятъ на грубыхъ войлокахъ, подъ головами сѣдла; Иванъ Ржевскій, связанный по рукамъ и ногамъ веревками, безъ сна, сидитъ на камнѣ.

Ржевскій.

Спи, стая псовъ!.. Спи непробуднымъ сномъ
До Страшнаго Суда, — тогда воскресни
И прямо въ адъ, измѣнники! — И Богъ
На Русскую Державу ополчился!

Онъ попустилъ холопей нечестивыхъ
Торжествовать надъ Русскою землей!....
Болотниковъ — холопъ, — Татарскій плѣнникъ,
Проклятый бусурманъ, поганый нехристь,
За деньги проданъ и за деньги купленъ...
Онъ, окаянный, — Русскій Воевода,
Онъ — Самозванца, Тюшинскаго вора
Довѣренный слуга!!.. А Лжедимитрій?!
Перекрещенный жидъ и чернокнижникъ
Нарекъ себя рожденьемъ Іоанна!!
Но Ляпуновъ.... Пускай себѣ холопъ,
Продажный рабъ за золото измѣнитъ;
И то ужъ грѣхъ, и то ужъ стыдъ отчизнѣ;
Но ихъ Господь письмомъ неумудряетъ; —
Но дворянинъ, отъ Православныхъ предковъ
Слуга меча, сынъ Церкви Православной,
Рука Царя во градѣ и на полѣ —
Измѣнникъ?!.. Стыдно Русскому Дворянству!!

=

Уменъ, какъ попъ — и грамотенъ, какъ дьякъ,
Силенъ, какъ левъ — и красенъ, какъ дѣвица, —
Онъ Ангелу уподобляться могъ-бы,
А уподобился.... Прости мнѣ, Боже,
И вымолвить грѣшно. —

=

Что еслибъ Богъ
Дозволилъ мнѣ распутать ноги, руки;
Какъ тѣнь твоихъ отцевъ, возсталъ-бы Ржевскій,
Какъ страшный сонъ, твою смутилъ-бы душу,
Какъ тать, неслышимо твой ножъ похитилъ,

Принаровясь къ твоей груди широкой,
Я выпилъ-бы изъ ней ножемъ измѣну
Ты-бъ застоналъ, я помолился-бъ Богу
И о твоей душѣ, Прокопъ Петровичь!...
Измѣнника убить и ночью можно,
Тутъ нѣтъ грѣха... Охъ, еслибъ... Нѣтъ, Господь
Хранитъ тебя для грознаго примѣра!
Веревками и ранами покрытый,
Бушуетъ Ржевскій, какъ безсильный вѣтръ,
И, какъ безсильный вѣтръ, улечься долженъ!
И я одинъ изъ тысячи дворянъ
Святыми ранами не упокой,
А срамный плѣнъ стяжалъ себѣ несчастный;
И я одинъ на пиръ измѣны гнусной
Смотрю, какъ рабъ!!.. О Господи, помилуй! —

Ляпуновъ (сквозь сонъ)

О Господи помилуй!...

Ржевскій.

Застоналъ
Измѣнникъ! Что?! — Во снѣ, не на яву?!
Тамъ совѣсти нельзя запить виномъ
Иль заглушить ее убійствомъ новымъ?!..

Ляпуновъ (приподымаясь, озираясь)

Нѣтъ никого!... То сонъ, но сонъ ужасный!...
Святая Русь... неужели?... О Нѣтъ?
То навожденье дьявола и только....

(Вспавъ)

Проклятія!.. И матерь проклинала!
И въ пеленахъ ребенокъ проклиналъ,
И на соборной паперти Святитель

Прокопа Ляпунова проклиналъ!
И Русскій Царь, въ вѣнцѣ изъ Божьей Силы,
Прокопа Ляпунова — проклиналъ!
И братъ родной, съ слезами на очахъ,
И Русская земля въ огнѣ и гладѣ,
И Небо Русское въ осеннихъ тучахъ,
Все Русское — Прокопа проклинало!!....
О Боже мой, что, если я измѣнникъ!!....

И снова сонъ! — Гремятъ колокола,
Народъ кипитъ предъ Храмомъ Михаила
И на помостѣ рака Чудотворца
И вся Москва, съ слезами умиленья,
Какъ будто-бы единая жена,
Колѣна преклонивъ предъ чудной ракой,
Усердно молитъ: О Святый Димитрій
Помилуй насъ! — И се!.. возсталъ безногій,
Се — сухорукій — поднялъ къ небу руки,
Слѣпецъ — прозрѣлъ... и восхваляя Бога,
Клянутъ меня проклятіемъ ужаснымъ....
О Господи, что, если я измѣнникъ?!
Что, если онъ не истинный Димитрій,
Что, если... Боже! Я неизмѣнялъ,
Я вѣровалъ въ Димитрія, какъ въ совѣсть. —
И можно-ли, чтобъ Русскій Богъ дозволилъ
Колѣну православному изсякнуть?..
Нѣтъ, онъ Димитрій, истинный Димитрій,
Сынъ Іоанна... Можетъ-ли злодѣй
Смутить такимъ обманомъ Государство?!
Всѣ бросились, къ нему сыновнимъ сердцемъ,
Руси безмѣрной перси взволновались,
По всей землѣ, какъ тѣнь, прошелъ Димитрій
И, не видавъ его, всѣ покорились...

Но эти мощи, эти чудеса?.... —
Я самъ видалъ слѣпцовъ и хромоногихъ,
Что изъ Москвы съ весельемъ возвращались
И славили за исцѣленье Бога;
Я слышалъ самъ отъ Иноковъ честныхъ
О чудесахъ нетлѣннаго младенца....
Но не ужели это самъ Димитрій?!

(Возвыся голосъ)

Рязань, Рязань! Какъ чистая голубка,
Ты тихо жизнь вела въ довольствѣ, въ мирѣ:
И я смутилъ тебя родимый городъ!
За мной, какъ стадо, понеслись Рязанцы
И вотъ Москва почти въ моихъ рукахъ!...

Что̀, если я иду — за Самозванца?
Что̀, если я, подъ Троицкимъ Селомъ,
Кровь неповинную преступно пролилъ,
Когда святыя мощи Чудотворца
Я оскорбилъ невѣріемъ преступнымъ!
Спаситель, я съ прямой любовью въ сердцѣ,
Съ желаніемъ Отечеству добра, —
Сталъ палачемъ моихъ единовѣрцевъ
И Церкви Православной поругался....
О Господи, что̀, если я измѣнникъ?! —

Ржевскій.

Измѣнникъ?.. Нѣтъ, ты больше, Ляпуновъ!
И Курбскій — былъ измѣнникъ....

Ляпуновъ.

Дерзкій пёсъ!
Рабъ Шуйскаго, молчи!..

Ржевскій.

Мои уста
Не скованы неволею и плѣномъ;
Я взятъ живой, но безъ меча, весь въ ранахъ;
Легка побѣда надъ полуубитымъ
Ты могъ меня, Прокопъ, лишить свободы,
Но устъ моихъ ты не лишишь проклятій,
Пока отъ ранъ моихъ не онемѣю,
Пока послѣднею моей молитвой
Не обращу Небеснаго проклятья
На подлаго отступника отъ Церкви,
Измѣнника Царю и Государству.....

Ляпуновъ.

Царь въ Тюшинѣ; изъ Польши воротился;
А вашъ Василій....

Ржевскій.

Стыдно, Ляпуновъ!
Какой же Царь пойдетъ къ Еретикамъ
Искать наслѣдственной своей Державы?!
Повѣрь мнѣ, твой Димитрій — Самозванецъ
Поганый жидъ......

Ляпуновъ.

Жидъ?!.. Непорочь Царя!
Давно Московскую мы слышимъ сказку,
И знаемъ: кто ее сложилъ... Василій, —
Дрожа отъ страха, на канунѣ казни, —
За похищенье Царскаго Престола,

Одно спасенье видитъ въ клеветѣ!
Вы, вѣрные, боитесь нашей встрѣчи!
Кто знаетъ совѣсть, тотъ незнаетъ страха.
Мы отстоимъ Отечество отъ срама
И на Престолъ Царей Боговѣнчанныхъ
Законнаго Наслѣдника воздвигнемъ!!

Ржевскій.

Тюшинскій воръ наслѣдникъ Государству!!
О да зальетъ Господь смолой кипящей
Твою богохуливую гортань...

Ляпуновъ.

Клевретъ слѣпаго Шубника, умолкни!

Ржевскій.

Не только я; завопіютъ могилы
На ваши богомерзскія дѣла!
И твой отецъ, и дѣдъ и прадѣдъ твой,
Что̀ вѣдаютъ сокрытыя дѣянья,
Что видятъ въ ликѣ ангеловъ предъ Богомъ
Царевича Димитрія Святаго,
За Русь свою несущаго молитвы!
И Церковь и земля и небеса...
Все — на тебя проклятіе обрушитъ...

Ляпуновъ (встревоженный).

Проклятія!.. Онъ подсмотрѣлъ мой сонъ!!
Проклятія! О Господи помилуй!!..

Ржевскій.

Сынъ Іоанна въ Тюшинѣ! Такъ кто-же
Среди Собора, въ ракѣ драгоцѣнной,
Глядитъ нетлѣнный, будто бы живой,
За смерть свою убійцъ благословляетъ —
И чудеса творитъ Москвѣ и Царству?!..

Ляпуновъ (про себя)

О Господи! Когда державный родъ
Воистину пресѣкся — и Господь
Его послѣднюю, младую отрасль
Благоволилъ украсить свѣтлымъ саномъ
Угодника и Чудотворца.... Боже,
Державный родъ пресѣкся... Невозможно!

(громко)

Мы знаемъ васъ, Московскихъ хитрецовъ,
А Шуйскаго не узнавать намъ снова! —
Быть можетъ это сказка передъ смертью,
Послѣднее, отчаянное средство....

Ржевскій.

О богохульникъ! Церковью шутить?!
Святая Русь чудовища такого
Незнаетъ и незнала... Небеса
Обманывать не станутъ чудесами..

Ляпуновъ.

Оставь, Иванъ! Напрасны разсужденья...
Увѣримся, когда возьмемъ Москву!

Ржевскій.

Увѣришься, когда, на лобномъ мѣстѣ
Тебѣ въ глаза палачь сѣкирой взглянетъ,
А на твою преступную главу
Святители анаѳему положатъ!
И дня тому свидѣтель страшный будетъ:
Святый Димитрій Чудотворецъ...

Ляпуновъ (отходя отъ Ржевскаго)

Боже,
Умилосердись! Мало-ли чудесъ
На Русскую ниспосылаешь землю;
А я одинъ напрасно чуда жажду!..
Я грѣшникъ, Отче; можетъ быть измѣнникъ;
Ты милостью своей меня не взыщешь!

═

Когдабъ Твой перстъ мнѣ указалъ дорогу
Спокойно-бы за нимъ я шелъ впередъ
И сердце красовалось бы молитвой;
И Шуйскій задрожалъ бы на престолѣ!
И Русь въ лице-бъ Димитрія узрѣла
И пала-бъ ницъ передъ лицемъ его! —
И сынъ Царя — Царемъ, и Русь — спокойна,
Во храмѣ Православномъ Литургія,
По улицамъ идетъ великій праздникъ,
Въ семействахъ миръ — и на землѣ родимой
Ни одного не видишь чужеземца!
Какъ въ праздникъ Воскресенія Христова,
Народъ нашъ православный произноситъ:
«Воскресла Русь, — воистину воскресла!»

И это я, Рязанскій дворянинъ,
Я воскресилъ Отечество отъ смерти,
Я Русь воздвигъ вотъ этой слабой дланью!
О сколько славы, чистой, Божьей славы,
Какая мысль: я благодѣтель Царства!
А если, Боже сохрани, измѣнникъ,
Хоть и невольный, на престолъ Царей
Я возведу холопа, иль разстригу
И по святымъ ступенямъ вышней власти
Пройдетъ нечистый сынъ нечистыхъ предковъ
И воръ раздастъ помѣстья и чины
Единокровнымъ душегубцамъ! Скоро
Почуетъ Русь, кто на святомъ престолѣ; —
И, какъ гроза, взволнуется народъ,
Какъ Божій громъ, проклятья раздадутся!
Во храмѣ православномъ нѣтъ молитвы!
Народъ въ тоскѣ, какъ въ судный день, застонетъ:
«Погибла Русь, — воистину погибла!»
И это я — злодѣй своей отчизнѣ....
И только я! — Не темные-жъ холопья,
Что на позоръ Димитрію и мнѣ,
Вчера съ моей большой Рязанской ратью
Подъ Троицкимъ Селомъ соединились;
Болотникову грѣхъ не въ грѣхъ, но я....

Болотниковъ (просыпаясь)

Чуть чуть свѣтаетъ; рано стало быть?
Что, братъ Прокопъ, такъ рано поднялся?

Ляпуновъ.

И онъ сомной братается, нечистый!...

Болотниковъ (вставъ, всѣ другіе вожди и мятежники подымаются)

Знать не усталъ вчера, Прокопъ Петровичь?
А мы и погуляли и соснули....
Дрожь пронимаетъ послѣ сна; а любо
Вчера подъ Троицкимъ кипѣла сѣча!
И зналъ кого послать Василій Шубкинъ:
Боярь, Дворянъ, Окольничьихъ, Дьяковъ,
Всю дрянь Московскую....

Ляпуновъ.

Молчи, Ивашка!
То слуги Царства, не кори другихъ,
Когда въ тебѣ заснула укоризна;
Быть можетъ... Но ты не поймешь меня,
Да я и самъ себя не понимаю!
О еслибъ мнѣ увѣриться... Напрасно!...
Мнѣ завязалъ Господь глаза на жизнь,
А въ гробѣ ихъ развяжетъ, — только поздно...

Болотниковъ.

Эге, Прокопъ, да ты Псаломъ читаешь;
Что это значитъ, Ляпуновъ?

Ляпуновъ.

Тебѣ
Какое дѣло?

Болотниковъ.

Мнѣ какое дѣло?!
Да развѣ я не также Воевода?!

Да развѣ я не жертвую собой,
Въ крови враговъ поганыхъ не купаюсь?..

Ляпуновъ.

Ты оскорбляешь братій Православныхъ,
Отечество....

Болотниковъ.

Отечество?! Теперь
У насъ другой предметъ кровавой брани;
Теперь моя дружина удалая,
Разгульная веселая толпа
Не тѣмъ полна... Жги, рѣжь, опустошай!!
Шаръ покати, нигдѣ не спотыкнется,
Все гладь, да гладь! Вотъ любо, вотъ война!!
А тамъ, что будетъ, вѣдомо не намъ,
Да намъ и дѣла нѣтъ.....

Ляпуновъ (съ ужасомъ)

И я въ союзѣ
Съ безчестнымъ мужикомъ!!.. О Всемогущій!
Ему ли быть вождемъ великой рати?
Въ немъ сердце кротъ, и холодно и слѣпо;
Онъ не согрѣтъ любовію къ отчизнѣ,
Его душа добычи подлой жаждетъ,
Пожаровъ, смерти, крови, разрушеній,
И онъ мнѣ равенъ, Боже, онъ мнѣ равенъ!!...

Я Русь люблю, какъ собственную душу,
Я къ ней горю сыновнею любовью,
Я за нее продамъ себя Татарамъ,
Я за нее пойду въ полонъ Турецкій,

Все за нее, весь за нее готовъ
Куда она велитъ — и онъ мнѣ равенъ!!

Болотниковъ.

Опять задумался, Прокопъ Петровичъ!
Смотри, свѣтло! Пора намъ въ путь-дорогу.
Вотъ сквозь деревъ проглядываютъ кровли
Богатаго села; ударимъ дружно,
Боярскій домъ подниме́мъ на копье,
Разбудимъ красныхъ дѣвушекъ пожаромъ;
Поищемъ въ сундукахъ сребра и злата;
Кто съ нами, тотъ живетъ, а кто не съ нами
Тотъ умеръ; похоронимъ по колодцамъ,
Иль въ рѣчкѣ, если рѣчка есть..... Пойдемъ,
Потѣшимся...

Ляпуновъ.

Я весь дрожу отъ злости,
Рука за мечь хватается..... Разбойникъ,
Ты вѣруешь-ли въ Бога, окаянный?!
На то-ли ты поставленъ воеводой,
Чтобъ мать свою терзать, какъ волкъ волчицу,
Да и у волка въ этомъ будетъ совѣсть!
А у тебя... Прости, мой край родимый!
Я не причастенъ бѣшенству злодѣевъ!
Я мечь несу за правду и за Церковь,
За честь твою, святая мать моя!.
И да изсохнетъ эта длань, да очи
Слѣпотствуютъ до одинокой смерти,
Когда коснусь чужаго достоянья,
Или смущу спокойство мирныхъ братій!

Болотниковъ.

Эхъ братъ, Прокопъ, съ тобой намъ неполадить;
Ты все несешь какую то любовь;
Все проповѣдь поповскую читаешь;
Ты знать ведешь не лютую войну;
А бранную потѣху; потѣшайся!
Посмотримъ, какъ сведешь концы; — а мы
По прежнему займемся нашимъ дѣломъ;
Погрѣемся у сельскихъ пепелищъ
Красавицей, рублемъ, виномъ иль пивомъ....

Ляпуновъ.

Неужели послалъ тебя Димитрій
За этимъ на Святую Русь?!..

Болотниковъ.

Димитрій? —
Да что мнѣ онъ; отецъ иль мать....

Ляпуновъ.

О Боже!
Такъ ты не за него сражался....

Болотниковъ.

Нѣтъ!

Ляпуновъ.

И не за Церковь?

Болотниковъ.

Нѣтъ.

Ляпуновъ.

Такъ за кого-же?

Болотниковъ.

Самъ за себя! Я мщу твоей Руси!
Да, Русскіе! меня нечистымъ Туркамъ
Вы продали... Мужикъ, какъ будто нехристь;
И выкупа Бояринъ пожалѣлъ
И обо мнѣ не справился Бояринъ.
«Пусть пропадаетъ; у меня ихъ много.»
Сказалъ Князь Телятевскій — и аминь!
А я, — невольникъ подлыхъ бусурмановъ,
Въ одеждѣ смрадной, на работѣ смрадной,
Гнилъ, какъ болотный червь въ прудѣ изсохшемъ,
А Русь меня спасти не приходила. —
Кто сжалился надъ участью Ивана,
Кто выкупилъ меня изъ злой неволи?
Не Русскіе, а Фряжскіе купцы.
Не на Руси я сталъ умнѣй и лучше,
Не на Руси я началъ понимать
Что значитъ: пламень брани и пировъ
И сладость молодеческой добычи!
И я пришелъ на Русь искать пировъ
И брани и добычи молодецкой;
Давай ихъ Русь, не то ножемъ я вырву....

Ляпуновъ.

Не вырвешь, окаянный! Самъ Димитрій
Велитъ сковать злодѣя своего;
Ты Царству вреденъ, вреденъ и ему...

Болотниковъ.

Какъ-бы не такъ? — Димитрія мы знаемъ,
Вѣдь онъ изъ *нашихъ*...

Ляпуновъ.

Объяснись, Иванъ!

Болотниковъ.

Ты знаешь-ли, что̀ въ Польшѣ значитъ: *нашъ*? —
Жидъ, нехристь....

Ляпуновъ.

Ну!!.

Болотниковъ.

Ну, твой Димитрій — нехристь!

Ляпуновъ (выхвативъ мечь)

Вотъ мечь, Иванъ! Ты шутишь, или нѣтъ!

Болотниковъ.

Нѣтъ, не шучу; а ты простякъ и вправду
Подумалъ, что возсталъ Святый Димитрій?
Эхъ братъ, Прокопъ, ты хоть и умный малый;
А разчитать того не могъ, что если
Кого убьютъ, такъ тотъ ужъ не воскреснетъ!
Нѣтъ, твой Димитрій хуже насъ съ тобой;
Ты дворянинъ, я хоть мужикъ, да Русскій;
А твой Димитрій — просто жидъ; я самъ
Съ нимъ жилъ въ Венеціи; я самъ
Съ нимъ за одно червонцы промышлялъ;
Было намъ жудко; мы бѣжали вмѣстѣ
И вмѣстѣ къ вамъ пожаловали въ гости. —
И что̀ тебѣ, Димитрій или нѣтъ? —
Вѣдь деньги тѣже, таже власть и прибыль...

Ляпуновъ.

Молчи, молчи! Свершилось! Я измѣнникъ!!

Сунбуловъ.

Прокопъ Петровичь, что съ тобою сталось?

Болотниковъ.

Съ ума сошелъ!

Ляпуновъ.

Да я ума лишился!
О еслибъ мнѣ и памяти лишиться!
Ахъ, какъ я жилъ, какъ я нечистъ и грѣшенъ!
А совѣсть, бѣдная, она ужасна!
Русь успокоилась на Царскомъ лонѣ,
Затихла буря, солнце просіяло, —
И, какъ младенецъ въ колыбели, тихо
Заснула Русь отдохновеньемъ сладкимъ
И Царь Царей — привѣтный взоръ послалъ
На землю Имъ любимую — и снова
На всей Руси — Господня благодать!...
Я, окаянный грѣшникъ, грѣшной думой,
Отъ дьявола наставленный, — задумалъ
И на родной землѣ — война родная,
Я братій свелъ и братій погубилъ!
Невинныхъ я повергъ подъ Анаѳему
И новобрачныхъ овдовѣть заставилъ!
Намъ Патріархъ писалъ о Самозванцѣ,
И мать — Царица плакалась народу
И самъ Димитрій изъ земнаго праха
Пришелъ въ Москву, нетлѣнный и прекрасный,

Свидѣтельствовать правду чудесами,
А я, какъ будто бы не Христіанинъ,
Воздвигся за жида!! И православныхъ
Повелъ врагу Христову поклониться,
За нехристя страдать и умереть!!.
За чѣмъ меня неупредила совѣсть,
Зачѣмъ болѣзнь меня не одолѣла?!
Я измѣнилъ, простите, Христіане,
Простите грѣшнику прощеньемъ братскимъ,
Господь и вамъ долги отпуститъ ваши!

(спавъ на колѣни)

Богохранимая, Святая Русь!
Умилосердись надъ несчастнымъ сыномъ,
Забудь, что я существовалъ на свѣтѣ,
Прости мнѣ, Русь! прости Святая Матерь,
Во прахѣ предъ тобой великій грѣшникъ!
О Царство Русское, вотъ твой измѣнникъ!
О люди Русскіе, я васъ смутилъ,
Я васъ облилъ грѣхомъ смертельнымъ...Стыдно!
Я не могу глядѣть вамъ прямо въ очи!

Рязанцы (толпой окружая Ляпунова)

Прокопъ Петровичь! — Ахъ, Прокопъ Петровичь,
Мы также грѣшны. — Также измѣнили.....
Мы избрали тебя, Прокопъ Петровичь,
Рязанскимъ Воеводой. — Мы тебя
Поставили въ отвѣтственность. — Прости насъ,
Прости насъ, Батюшка, Прокопъ Петровичь!...

Ляпуновъ.

Сюда! Ко мнѣ! Падите на колѣни!
Со мной просите милости Господней,

Вы всѣ невиннѣе меня!... Молитесь!
Быть можетъ Богъ смягчится! Ахъ, быть можетъ,
Онъ и меня помилуетъ за васъ!

Рязанцы.

Прости, намъ Господи; Царю нашъ, Боже!

Ляпуновъ.

А я не смѣю призывать Тебя!
Смутивъ твою любимую Державу,
Обливъ Отечество родною кровью
Молиться, грѣшный, не могу. — Да будетъ
Твоя святая воля!...

Сунбуловъ.

Что, Иванъ,
И на твоей щекѣ слеза повисла!

Болотниковъ (отирая слезу)

Вотъ выдумалъ (про себя) Проклятая слеза!
Охъ, это память о счастливомъ дѣтствѣ,
И я былъ Русскимъ; сердцу тяжело;
Теперь не то; и вправду я разбойникъ;
Не льзя назадъ (громко) Проклятая слеза!..

Ржевскій.

Болотниковъ! Лови твою слезу!
Она дороже камней самоцвѣтовъ;
То исповѣдь невольная твоя!

Ляпуновъ (подходя къ Ржевскому)

Иванъ, прости меня! Я такъ обидѣлъ,
Такъ оскорбилъ честнаго человѣка!

Будь Русскимъ такъ, какъ должно Русскимъ быть:
Какъ плѣнникъ, гордъ и добръ, когда свободенъ. —

Ржевскій.

Я гордъ и добръ во всякомъ состояньи.
Я не измѣнникъ.

Ляпуновъ.

Не напоминай
И не кори. Ахъ, ты еще въ веревкахъ,
Ты плѣнникомъ измѣнниковъ нечистыхъ?

(съ поспѣшностію распутывая веревки)

Скорѣй, скорѣй! Пусть этотъ страмный видъ,
Не представляетъ грозной укоризны;
Скорѣй! скорѣй! И Богъ не разорвалъ
Позорныхъ узъ. О Ржевскій, ты свободенъ! —

Кровь на рукѣ? Позволь поцѣловать
Святую рану доблести и чести....

Болотниковъ.

Врагъ побери Прокопа Ляпунова,
Слова его ножами сердце рѣжутъ....

Ляпуновъ.

Теперь иди — и объяви народу
Что я несу земное покаянье!
Иванъ замолви за меня словечко!
Толпа тебѣ повѣритъ; Раскажи ей,
Какъ я люблю народъ нашъ православный,
И Матушку Москву и Русь родную!
Ты раскажи, какъ я съ тобой прощался,

Какъ твердо шелъ на плаху умереть,
Какъ умеръ.. Пусть помянутъ Ляпунова
Въ молитвахъ безъ укора и презрѣнья!

Ржевскій.

Ты сомнѣвался-ли когда нибудь
Въ Господней милости, Прокопъ Петровичъ?

Ляпуновъ.

Нѣтъ, никогда!

Ржевскій.

Не упадай-же духомъ
И въ Царской милости не сомнѣвайся!

Ляпуновъ.

О Ржевскій, нѣтъ! Я не простой измѣнникъ!
Царь можетъ пожалѣть моихъ Рязанцевъ,
Царь долженъ ихъ помиловать, но я —
Ужасный памятникъ его державства!
И если только плахой обойдется
Я обниму и плаху, словно милость. —

Ржевскій.

Безъ милости, Царь — быть Царемъ не можетъ.

Ляпуновъ.

О добрый другъ, я нехочу надежды,
Не утѣшай меня напрасно, Ржевскій! —
Наставь, повѣдай лучше, что̀ мнѣ дѣлать.

Ржевскій.

Скорѣй нести повинную къ Царю!

Ляпуновъ (послѣ минутнаго молчанія)

Василій, для спокойствія отчизны
Смиреніе мое границъ не знаетъ!
Несу и эту жертву пользѣ общей!

(снимая кафтанъ)

Долой кафтанъ! Обрызганъ братней кровью,
Ты, какъ ярмо, на плечахъ Ляпунова...

(снявъ мечь и держа его въ рукахъ)

Прости мой мечь! Мой удалой товарищь!
Ты и въ грѣхѣ былъ другомъ безкорыстнымъ,
Ты, какъ жена, со мной былъ неразлученъ,
Какъ рабъ, участвовалъ въ моихъ злодѣйствахъ!
Но Богъ велѣлъ, разорваны всѣ узы,
Мы никогда не свидимся! Прости!
Прости мой братъ! Очисться, если можешь,
И стань за Русь и за святую Церковь!
Но не въ моихъ рукахъ! Прости, мой милый,
Сердечный другъ! (цѣлуетъ и бросаетъ его)

(снявъ шлемъ) Прости, мой шлемъ тяжелый,
Ты подавлялъ движенія разсудка,
Я разстаюсь съ тобой безъ сожалѣнья!

(снимая обувь)

И нагъ и босъ!.. Меня увидятъ люди!
И съ памятью преступной примирятся!

(взявъ веревку)

И вотъ на что мѣняю воеводство
И гордый санъ и власть и серебро!
Никѣмъ непобѣжденный, самъ собою,
Иду на плаху, будто-бы на пиръ!

падѣвъ на шею веревку)

Теперь на смерть! Простите, Христіане!
Молитесь обо-мнѣ въ молитвахъ вашихъ
И зломъ не поминайте!...

Рязанцы.

Всѣ съ тобой
Повинную несемъ, Прокопъ Петровичь! —
Пусть Царь казнитъ за наши преступленья,
Небесное искупимъ за земное!..

Болотниковъ.

Прокопъ Петровичь, погоди маленько!

Ляпуновъ.

Прощай, разбойникъ!...

Болотниковъ.

Нѣтъ, Прокопъ Петровичь,
И я иду! Заныло больно сердце,
Охъ, эта Русь досадная!.... Какъ долго
Я не хотѣлъ быть Русскимъ! — не въ терпежъ!
Кто въ силахъ разлюбить родную матерь?
Нѣтъ, Ляпуновъ, равна измѣна наша,
Такъ на одной и той-же ляжемъ плахѣ!

Ляпуновъ.

Скорѣй на смерть! Мечь съ насъ измѣну сниметъ
И наши трупы, Русь, какъ мать, обниметъ!! —

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО АКТА.

АКТЪ ВТОРОЙ.

ВЪ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ СЛОБОДѢ.

ЯВЛЕНІЕ.

Внутренность Дворца въ Александровской Слободѣ.

ВЫХОДЪ 1.

ГОЛОВИНЪ и АДАДУРОВЪ.

Головинъ.

Князь всталъ уже? —

Ададуровъ.

Онъ всталъ до пѣтуховъ,
Читалъ молитвы; въ этой слободѣ
И на него монашество находитъ.

Головинъ.

Да, здѣсь когда то жилъ Иванъ Васильичь!
Уединенно, смирно, словно схимникъ;
Вѣдь и Царю подъ часъ бываетъ горько?

Ададуровъ.

Эхъ, Головинъ! Вѣдь у Царя хлопотъ
По-больше нашего; война, дай денегъ,

Дай войска, дай снаряду и коней;
А миръ, — не обойди кого наградой,
Не оскорби кого нибудь судомъ,
А насъ-то, слава Богу, сколько?

Головинъ.

Правда,
Да Грозный, кажется, другимъ былъ занятъ,
Другое горе мучило его....

Ададуровъ.

Легко выдумывать, по смерти, басни.
Покойникъ нѣмъ, а нашъ языкъ лукавый
На то ужъ созданъ, чтобъ кого порочить!
А знаешь, грѣхъ какой клепать на мертвыхъ. —
Когда-бъ мы видѣли вблизи все дѣло,
То-бъ, можетъ быть, о Грозномъ пожалѣли,
А неразумной рѣчью не корили-бъ....
Пойди въ Москву! Послушай, какъ кричатъ
Противъ Василія; а расмотри
Чего хотятъ, — невольно молвишь: дѣти,
Не выросли, а разсуждаютъ!.. — Голодъ!
Ну, голодъ; экô диво голодъ. — Кто-же
Имъ виноватъ? — Неужто Царъ? — Не Онъ
Поля оставилъ; сами, бросивъ села,
Пошли въ мятежъ, оставили семейства,
За золотомъ безумно погнались
И хлѣбъ насущный потеряли! Такъ
На свѣтѣ все. — Князь Михаилъ Васильичь,
Ужъ нечего сказать, хитрецъ военный
И добрый, справедливый человѣкъ;
Послушай-же, что говорятъ объ немъ!
О Головинъ, для глупости народной
Предѣловъ не положишь!... —

Головинъ.

Да, Скопинъ
Ужъ точно ангелъ. — Ты всегда при немъ;
Скажи мнѣ, Ададуровъ, какъ онъ дома?
Я слышалъ; будто онъ всегда сидитъ
Съ какимъ нибудь изъ нехристей заморскихъ,
А съ Русскими словца не перемолвитъ?

Ададуровъ.

Вотъ видишь, Головинъ, моя-же правда!
Князь Михаилъ Василичь иногда
Изволитъ съ Делагарди разсуждать
О ратныхъ хитростяхъ, а всѣмъ сдается,
Что онъ уже братается со Шведомъ. —

Головинъ.

Легокъ-же на поминѣ Делагарди!

ВЫХОДЪ 2.

ТѢ-ЖЕ и ДЕЛАГАРДИ.

Делагарди.

Князь всталъ?

Ададуровъ.

Давно.

Делагарди.

Могу я видѣть?

Ададуровъ.

Можешь.

Делагарди.

Въ опочивальнѣ Князь?

Ададуровъ.

Въ опочивальнѣ.

═

ВЫХОДЪ 3.

ТѢ-ЖЕ И КНЯЗЬ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

Князь.

Здорово, Яковъ; я твой слышалъ голосъ
И вышелъ самъ. Что новаго?

Делагарди.

Незнаю,
Всѣ новости въ твои приходятъ руки!

Князь.

Да, у меня есть радостныя вѣсти.
Прокофій Ляпуновъ съ Рязанской ратью
Василію повинную принесъ,
Но Царь его въ Москву къ себѣ не принялъ,
А приказалъ ему, со всею ратью,
Итти комнѣ — и въ станѣ ждать Указа!
Другая новость: Млоцкій отошелъ
Къ Серпухову; Димитрій Самозванецъ
Оставивъ Тюшино, бѣжалъ въ Калугу,
А Князь Рожинскій снова вышелъ въ поле,
Жду только, что напишетъ мнѣ Валуевъ:
Теперь Рожинскій у него въ рукахъ;
И такъ одинъ Сапѣга остается. —

Ададуровъ.

Мы слышали сегодня въ слободѣ,
Что Поляки отъ Лавры отступили. —

Князь.

Не можетъ быть, любезный Ададуровъ!
Опять пустая хитрость; Авраамій
Хорошій воинъ, угадаетъ. Впрочемъ
Сегодня объяснится: гдѣ Сапѣга?
И если онъ дѣйствительно намѣренъ
Напасть на насъ, то нападетъ сегодня.
Дай Богъ ему счастливаго пути
Обратно въ Польшу; если-же посмѣетъ
Мой крѣпкій станъ безумно потревожить;
Я буду правъ въ моей кровавой мести;
И Богъ проститъ и люди извинятъ.

Делагарди.

Къ чему врага жалѣть?

Князь.

Мы Христіане,
Не жадны крови человѣка. Яковъ,
Мнѣ удивительно, что полководцы,
Великіе герои всѣхъ временъ,
Смотрѣли на людей, какъ на животныхъ,
Которыхъ жизнь ихъ жизни не равна.
Я извинить могу необходимость;
Какъ, напримѣръ, теперь у насъ, нельзя
Не воевать, не лить потокомъ крови!..
И тутъ стараюсь я, елико можно,
Сраженія выигривать безъ крови,

Гдѣ кроткимъ убѣжденьемъ, гдѣ угрозой,
И только тамъ мой обнажаю мечь,
Гдѣ нѣтъ уже надежды кончить миромъ.

Делагарди.

Послушаешь, такъ ты войны не любишь!

Князь.

Люблю войну – но за свою отчизну!
Люблю войну — но на чужой землѣ!
Ахъ, Яковъ, не беретъ тебя раздумье,
Когда въ глазахъ богатое село
И Церковь Божія по серединѣ,
И на небѣ, какъ звѣздочка, сверкаетъ
Нашъ Русскій Крестъ, нашъ православный Крестъ?
Какъ стражъ небесный, тихо смотритъ долу,
А на него съ молитвой смотрятъ люди
И Ангеломъ-Хранителемъ зовутъ.
И вдругъ война—село беретъ пожаромъ
И Церковь Божія въ огнѣ, а Крестъ,
Отъ пламени краснѣя постепенно,
Не на своихъ съ небесъ далекихъ смотритъ,
А зажигателю сверкаетъ въ очи,
Упрекомъ, Яковъ, Божескимъ упрекомъ!
Какая мысль — я жгу свою отчизну!
Ты понимать меня не можешь, Яковъ!
Вамъ иностранцамъ лишь-бы гдѣ подраться,
Попировать, повеселиться; васъ
Война манитъ, какъ на богатый пиръ
И вы за ней на край готовы свѣта.

Делагарди.

Нѣтъ, Князь, не глупая охота драться,
Влечетъ на брань и Шведовъ и Норвежцевъ;
Другая мысль тревожитъ наши думы;
Намъ тяжело спокойно жить, намъ горько
Въ могилу лечь, безъ подвиговъ и славы.

Князь.

Тщеславіе!!.. Что безполезный подвигъ?..
Что ратный умъ, безъ прибыли для Царства?..
Что храбрость, безъ любви къ своей отчизнѣ?..
Мучительная слава, ты сладка!
Я вѣрю — любъ молвы могучій голосъ
И упоителенъ привѣтъ побѣды...
О сколько разъ и я передъ сраженьемъ
Безъ сна, тонулъ въ роскошныхъ сновидѣньяхъ!
И весь кипѣлъ невыразимымъ чувствомъ.
Я ожидалъ чего-то въ свѣтломъ блескѣ,
Устами пилъ небесное сіянье;
Но разумъ бралъ свое, и съ огорченьемъ
Мнѣ говорилъ: не забавляйся славой!
Ахъ, рано я узналъ, мой добрый Яковъ,
Что слава не въ мечѣ живетъ булатномъ;
А вотъ гдѣ, въ сердцѣ, въ добротѣ сердечной!

Делагарди.

Не постигаю; можно-ль быть героемъ
Съ такими чувствами.

Князь.

Не постигаю
Какъ можно быть безъ нихъ прямымъ героемъ!

Делагарди.

Но ты въ кровавой сѣчѣ — левъ жестокій!

Князь.

Тамъ я стою противъ враговъ Руси
И тамъ меня весь свѣтъ не одолѣетъ!

Делагарди.

Гдѣ-жъ доброта сердечная?

Князь.

Мой другъ,
Есть воеводы, отъ которыхъ врагъ
Иль убѣжитъ, или живымъ не сдастся;
А я люблю обнять врага по братски...
Вотъ въ этомъ слава есть. Не такъ-ли?—

Делагарди.

Князь,
Ты побѣдитель и мечемъ и словомъ!
Что ни случится, ты всегда Великъ,
А твой удѣлъ — дѣйствительная слава!

Ададуровъ (Головину тихо.)

Что, Головинъ? Шведъ этотъ молодецъ!..

Головинъ.

Да жаль, что Шведъ; зачѣмъ ему быть Шведомъ!

═

ВЫХОДЪ 4.

ТѢ-ЖЕ И БОЯРСКІЙ СЫНЪ.

Б. сынъ.

Пріѣхалъ Воевода твой, Валуевъ,
И проситъ видѣться...

Князь.

Что за обряды?!
Впусти, проси скорѣе!

=

ВЫХОДЪ 5.

КНЯЗЬ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ, ГОЛОВИНЪ, АДАДУРОВЪ, и ДЕЛАГАРДИ.

Князь.

Что подумать?
Какъ толковать прибытье Воеводы?
Я ждалъ письма, а онъ пріѣхалъ самъ;
Что, если онъ единственный остатокъ
Отъ цѣлой рати... Боже сохрани!!

=

ВЫХОДЪ 6.

ТѢ-ЖЕ и ВАЛУЕВЪ.

Князь.

Ахъ, Господи! Неуже-ли одинъ?!..

Валуевъ.

Одинъ, — съ побѣдой прихожу поздравить...

Князь (нетерпѣливо)

А рать моя?

Валуевъ.

Цѣла! Уронъ не важенъ; —
Насъ Богъ благословилъ побѣдой легкой,
Твоимъ умомъ мы выиграли дѣло!

Князь (обнимая его)

Здорово, милый другъ!.. Скорѣй гонца
Къ Царю въ Москву и къ Палицыну въ Лавру!..
Благодарю, Валуевъ!.. Мало крови
И много дѣла; въ этомъ ратный разумъ!..
Валуевъ, поздравляю, поздравляю!..
Садись, мой другъ, и разскажи, какъ было?

(садятся)

Валуевъ.

Разсказывать не долго. Ты принудилъ
Рожинскаго оставить монастырь
Іосифовъ и выйти въ поле. Долго
Пытался онъ войти опять въ Обитель; —
Напрасно; мы его не допустили,
И, неотступно слѣдуя за нимъ,
Мы ночью подошли на выстрѣлъ къ стану
И, съ первымъ блескомъ утренней зари,
Ударили. Ничто не удержалось!
И полъ-часа не продолжалась битва;
Мятежники и Ляхи въ полномъ бѣгствѣ

Покрыли верстъ десятка два собой;
Преслѣдовать намъ не было труда;
Какъ комаровъ, мы побивали Ляховъ.

Князь (вставъ)

Не хорошо, не хорошо, Валуевъ!
А мой наказъ?

Валуевъ.

Въ жару кровавой сѣчи
И самъ себя забудешь. А Рожинскій
Опомниться и воротиться могъ бы;
Мы не дали опомниться ему!
До вечера кровавый пиръ кипѣлъ
И наконецъ угасъ съ закатомъ солнца!

Князь.

О сколько жертвъ ожесточенной мести!
Но эти жертвы нужны для Руси,
Какъ лѣтняя гроза землѣ горящей...
Но гдѣ-жъ Рожинскій?

Валуевъ.

Онъ — въ Волоколамскѣ,
Отъ злости, изнуренья и досады,
Окончилъ жизнь...

Князь.

Уменъ, могучь и молодъ
Онъ кончилъ жизнь не съ знаменемъ побѣды,
Не въ теплотѣ душевнаго восторга,
Не съ сладкою надеждою о славѣ; —

А съ горькимъ помысломъ о жизни вѣчной,
Предъ чернымъ образомъ прошедшей жизни.
Вотъ подвиговъ земныхъ земная участь!
Вотъ слава многихъ, многихъ полководцевъ!

=

ВЫХОДЪ 7.

ТѢ-ЖЕ И ЧУЛКОВЪ.

Чулковъ.

Князь Михаилъ Васильичь! Въ Слободу
Пришла толпа измѣнниковъ мятежныхъ
Съ повинной головой...

Князь (радостно)

А!.. Ляпуновъ!!..
Давно я ждалъ его и дождался! —
Невольно сердце тосковало думой,
Что, если онъ, Василіемъ презрѣнный,
Не впущенный въ Москву, возстанетъ снова...
Невольный страхъ мою тревожилъ душу...

Делагарди.

Неуже-ли ты полагалъ донынѣ,
Что онъ намъ страшенъ?

Князь

Страшенъ, Делагарди!
Я-бъ долженъ былъ казнить заблудшихъ братій;
Я-бъ уничтожилъ Ляпунова, правда;

Но свѣтлый мечь потускъ-бы Михаила!
Я-бъ долженъ хоронить убившыхъ мною!
И тамъ, гдѣ лягу самъ, сложить ихъ кости;
Вѣдь Русь и мнѣ и имъ родная матерь!
Но, слава Богу! Онъ грозу пронесъ!..
Чулковъ, иди къ заблудшимъ нашимъ братьямъ
И къ намъ зови Прокопа Ляпунова;
А прочіе — пусть обождутъ меня!
Я выйду ихъ принять....

=

ВЫХОДЪ 8.

ТѢ-ЖЕ, кромѣ **ЧУЛКОВА.**

Князь.

Что, Делагарди?..
Въ тебѣ нѣтъ смуты? Ты покоенъ сердцемъ?

Делагарди.

Да отъ чего-же мнѣ смущаться, Князь?
Передъ измѣнникомъ?!!..

Князь.

Передъ несчастнымъ! —
Когда онъ былъ мятежнымъ Воеводой
И силой обладалъ, — я хладнокровно-бъ
Въ глаза ему взглянулъ — мечемъ булатнымъ;
Не я, а онъ смутился-бъ предо мною!
Но кто съ себя сложилъ и власть и силу,
Кто и въ грѣхѣ умѣлъ быть благороднымъ,

Кто собственный свой мечь спокойно бросилъ
И передъ совѣстью умѣлъ склониться;
Того я презирать не въ силахъ, Яковъ!
Могу-ли я взглянуть спокойно въ очи,
Въ которыхъ стыдъ съ величіемъ дружатся?
Могу-ль не трепетать, чтобъ гордой рѣчью
Не оскорбить души, уже убитой,
И ранъ его не отравить насмѣшкой,
И совѣсти не взволновать укоромъ?!..

Делагарди.

Не ужели простить его ты хочешь?!

Князь.

Какъ думаешь? — Я тронутъ, Делагарди!
Хочу быть справедливымъ судіей,
Но больше — справедливымъ человѣкомъ!
Скажи мнѣ твой совѣтъ? —

Делагарди.

Я полагаю
Примѣромъ устрашить людей мятежныхъ,
Напомнить Царству строгость Іоанна,
При немъ измѣна не смущала Русскихъ,
При томъ ты долженъ людямъ показать,
Что не боишься ихъ ожесточенья!
По моему, измѣнникъ Ляпуновъ
Достоинъ смерти, а другихъ ты можешь
Помиловать.

Князь (задумчиво)

Царь ждать велѣлъ Указа.

Делагарди.

Но Царь тебѣ-же поручилъ расправу
На жизнь и смерть мятежниковъ; и вѣрно,
Пославъ къ тебѣ Прокопа Ляпунова,
Онъ разсчиталъ, что войско при тебѣ,
Что здѣсь не можетъ быть сопротивленья;
А онъ въ Москвѣ — одинъ...

Князь (про себя)

Одинъ въ народѣ
И вотъ объ насъ какъ судятъ чужеземцы!

═

ВЫХОДЪ 9.

ТѢ-ЖЕ, ЧУЛКОВЪ И ЛЯПУНОВЪ (въ послѣднемъ костюмѣ 1-го Акта.)

Ляпуновъ (про себя)

Какъ стыдно!.. Это все родные братья!
А я ни одного обнять не смѣю;
Я не могу пожать имъ дружно руку
И Русское произнести: здорово!
И Ляпуновъ межъ ними чужеземецъ!
Смотрю, ищу, готова-ль плаха; — нѣтъ!
Ты не жалѣлъ, тебя не пожалѣютъ;
До смерти мучься, мучься послѣ смерти;
Охъ, какъ ужасно тяжела измѣна!..

Князь (про себя)

Онъ стонетъ!.. Горько видѣть Ляпунова!
Не знаю, какъ начать съ нимъ рѣчь. На битвѣ

Мой грозный мечь звучать не устаетъ!
Между пословъ, межъ думныхъ хитрецовъ,
Я рѣчь веду, какъ о дѣлахъ домашнихъ.
А здѣсь? Но должно быть великодушнымъ,
Мое молчаніе его замучитъ.

Делагарди (тихо Князю)

Князь, помни, и въ рѣчахъ должна быть строгость!

Князь

Прокопъ Петровичь, подойди ко мнѣ!

Ляпуновъ (упавъ къ ногамъ Князя, шопотомъ)

Мнѣ стыдно, Князь, мнѣ больно...

Князь (встревоженный)

Ты заплакалъ?
О чемъ, Прокопъ Петровичь?

Ляпуновъ.

О себѣ!

Князь (въ совершенномъ смущеніи)

Встань, Ляпуновъ!

Ляпуновъ.

Князь, Михаилъ Васильичь,
Прости меня не такъ, какъ Воевода!
Я не хочу на сей землѣ прощенья,
А ты прости меня, какъ Христіанинъ?

Князь.

И Богъ проститъ, и я тебя прощаю!

Ляпуновъ.

Такъ я могу взглянуть тебѣ въ глаза?
Не встрѣчу въ нихъ упрека и презрѣнья?

Князь.

Смотри, смотри, я плачу, какъ и ты!

Ляпуновъ.

Князь, я блаженъ! Вся Русь меня прощаетъ!
Ты Ангелъ, Князь, ты Ангелъ всей Руси!
Теперь казни закономъ, безъ пощады!
Скорѣй казни. не дай страдать такъ долго.
Мнѣ жизнь тяжка! — Скорѣе, Князь, скорѣе...

Князь.

По милости Царя и Государя,
Князь Михаилъ Васильевичь Скопинъ,
Отъ роду Шуйскихъ, *Старшій Воевода*,
Бояринъ и Царя Пріятель Ближній, —
По власти, данной намъ, и по внушенью
Святаго Неба, — именемъ Царя
Василія Иванича, — прощаемъ
Въ измѣнѣ дворянина Ляпунова,
Снимаемъ Царскую съ него опалу,
На всѣ его дѣла — кладемъ забвенье...
И братскимъ поздравленьемъ поздравляемъ!

Ляпуновъ (вставъ и сбросивъ веревку)

Здорово, Князь! Теперь тебѣ я равенъ!
Я снова Русскій; снова дворянинъ!
Я снова чистъ передъ моей отчизной!
Я блудный сынъ, въ домъ отчій воротился
И мать утѣшилась моимъ приходомъ.

Князь.

Но ты въ такой одеждѣ! Ададуровъ!
Съ плеча кафтанъ я жалую ему
И обувь съ ногъ моихъ!

=

ВЫХОДЪ 10.

ТѢ-ЖЕ, кромѣ АДАДУРОВА.

Князь.

Прокопъ Петровичь!
Ты много претерпѣлъ въ пути опасномъ!..

Ляпуновъ.

Князь, подъ твоимъ крыломъ затихнетъ рана,
Печать душевнаго самоубійства!
Ты возвратилъ мнѣ жизнь могучимъ словомъ
Ты далъ мнѣ снова чувствовать себя!.. —
Не трудно смертью отуманить очи,
Легко втоптать въ могилу человѣка,
Одинъ ударъ — и онъ не существуетъ!
Но воскресить убитаго душею,
Но сердце разбудить біеньемъ прежнимъ,
Изъ тмы извлечь и снова въ свѣтъ поставить...
Такихъ героевъ много не найдешь!!

=

ВЫХОДЪ 11.

ТѢ-ЖЕ И АДАДУРОВЪ (за нимъ слуга съ кафтаномъ и обувью.)

Князь.

Надѣнь кафтанъ и обувь! Я надѣюсь,

Ты не откажешься, Прокопъ Петровичь,
Откушать вмѣстѣ съ нами хлѣба-соли.
(Ляпуновъ, поклонясь, отходитъ въ сторону и одѣвается.)
Ахъ, я о прочихъ позабылъ! — Валуевъ,
Сходи братъ на крыльце и объяви
Всѣмъ, кто пришелъ съ Прокопомъ Ляпуновомъ,
Что, именемъ Царя, я всѣхъ прощаю,
И кланяюсь имъ дружескимъ поклономъ;
А боевой снарядъ я самъ роздамъ,
Самъ, лично.

═

ВЫХОДЪ 12.

ТѢ - ЖЕ, кромѣ ВАЛУЕВА.

Князь.

Ададуровъ, у меня
Въ опочивальнѣ мечь виситъ булатный,
Турецкой стали, съ Русскими орлами.
Сходи и принеси!

═

ВЫХОДЪ 13.

ТѢ - ЖЕ, кромѣ АДАДУРОВА.

Делагарди. (тихо)

Мечь Ляпунову,
Безъ Царскаго Указа!

Князь. (тихо)

Делагарди,
Да; миловать не должно въ половину!
Кто можетъ силу неба ограничить?
А милость дочь Господняя; она,
Въ предѣлы заключенная, не будетъ

Ужъ милостью, а развѣ оскорбленьемъ!
Онъ Русскій; оскорбить его не смѣю
И не хочу...

=

ВЫХОДЪ 14.

ТѢ-ЖЕ И АДАДУРОВЪ (приноситъ мечь)

Князь.

Вотъ мечь, Прокопъ Петровичь!
Возьми его! Онъ — по рукѣ тебѣ,
А злымъ врагамъ по головѣ придется....

Ляпуновъ (схвативъ мечь обѣими руками)

Мечь, добрый мечь! Я снова Божій воинъ!
Здорово, другъ, товарищь дня и ночи!
Здорово, братъ родной! Ты у кого
Въ рукахъ гулялъ, ты съ кѣмъ о жизни спорилъ,
Кого смертельнымъ поцѣлуемъ встрѣтилъ?
Скажи!... — Да! Еслибъ всѣ мечи заговорили,
Не ту-бы лѣтопись вели монахи
И не одно-бъ сказанье стало сказкой!
Дай, посмотрю на свѣтлое лице

(обнажая мечь)

И въ блескѣ стали образъ свой увижу!
Князь! Онъ въ крови!

Князь.

Ты самъ его омоешь!

Ляпуновъ.

Омою, Князь, омою вражьей кровью!
Широкій мечь, могучій и разгульный,

*

Мы больше не разладимъ, въ грозной сѣчѣ
Мы дружно постоимъ за Русь Святую,
Кровавую разкосимъ дружно жатву,
Сочтемъ число поганыхъ чужеземцевъ!
Гуляй, мой мечь! Пришла твоя трапеза,
Твой жирный пиръ! Гуляй, мой другъ, гуляй!
Сюда, Еретики! — На Русскій мечь,
На руку Русскую скорѣй бѣгите!
Мы двое съ братомъ; разлучите насъ!
Какъ-бы не такъ! Вамъ будто неизвѣстно,
Что Русскій мечь съ рукою Русской сросся;
Что Русскій мечь и Русскій человѣкъ,
Святаго Царства дѣти-близнецы!

Князь. (тихо Делагарди)

И ты считалъ его достойнымъ плахи?

Делагарди.

Я и теперь такъ думаю; предатель,
Разъ измѣнилъ, измѣнитъ и въ другой разъ!

Ляпуновъ.

Кто этотъ Воевода?

Князь.

Делагарди.

Ляпуновъ.

Какъ? Шведскій Воевода?!. Чужеземецъ!!!.
Отъ нихъ все зло и мятежи и смуты!
Кто создалъ Самозванцевъ? — Чужеземцы!
Кто Русь облилъ измѣной? — Чужеземцы!

Какъ саранча голодная, за моремъ
Они почуяли богатство Русскихъ
И душу продали для душегубства!

Делагарди.

Молчи, измѣнникъ!...

Ляпуновъ.

Шведъ, незабывайся!
Я дѣло говорю. — Когда-бъ не вы;
Святая Русь, какъ дѣва-бъ красовалась,
Не соблазнились-бы нечестьемъ люди,
Не упивались-бы порокомъ, скверной,
Не вызвали-бъ къ измѣнѣ Ляпунова!
Кто къ намъ пустилъ, какъ призракъ Іоанна,
Ужаснаго Димитрія; кто басню
Такъ хитро сплелъ, такъ распустилъ лукаво?

Делагарди.

Не Шведы...

Ляпуновъ.

Да, не Шведы, чужеземцы,
Всѣ чужеземцы сколько васъ ни есть!
Въ безсильной зависти къ Святому Царству,
Вы не живыхъ людей къ намъ посылали,
А мертвецовъ, безбожники, будили;
Подъ именемъ, всегда святымъ для Русскихъ,
Вели на Русь неслыханный обманъ!
Вотъ подвиги честныхъ людей, стыдитесь!

Делагарди.

Князь, прикажи ему молчать!

Ляпуновъ.

Молчать!
Молчать за Русь, за Вѣру и за нравы!!
О Богохульники! И кто не помнитъ,
Какъ съ псами по Церквамъ они ходили,
Передъ священникомъ не гнули шапокъ,
Въ Великій Постъ мясную ѣли пищу,
Бояръ, некрѣпкихъ въ Вѣрѣ, соблазняли?!
А нравы, наши нравы, Делагарди!
Когда ты честенъ, Шведскій Воевода,
И уважать умѣешь справедливость,
Такъ не сердись, а выслушай меня!
Не въ нравахъ-ли таится жизнь народа?
Не въ нравахъ-ли всѣхъ доблестей народныхъ
Лежатъ святые корни? Не на нихъ-ли,
Какъ на гранитѣ все почіетъ Царство?
И мы святые нравы сохраняли;
Мы съ ними жили столько сотень лѣтъ;
Привыкли. Что-жъ? Приходятъ чужеземцы,
Порочатъ наши нравы, нашу Церковь,
Все предразсудокъ у людей заморскихъ,
Обычаи смѣшны, смѣшна одежда,
Нашъ разумъ не разуменъ, наши чувства
Безъ благородства... Шведскій Воевода,
Ты перенесъ-бы это у себя,
Когда-бъ къ тебѣ, *хоть я*, пришелъ порочить
И нравы и обычаи и вѣру;
А я-бъ нашелъ чему смѣяться, вѣрь мнѣ!... —
Давно-ли на Руси чужое платье
Бояринъ носитъ? Въ праздники святые
Не въ Русскомъ платьѣ онъ идетъ къ обѣднѣ,
А въ Польскомъ кунтушѣ, въ заморской шапкѣ;
А прежде только такъ шутовъ рядили!...

Прогнали Поляковъ, Жиды остались;
Ихъ прежде не увидѣлъ-бы за деньги,
А нынче — торгъ ведутъ товаромъ тайнымъ;
Въ одеждѣ Христіанской, предъ Соборомъ,
Передъ Царемъ проходятъ невредимо!! —
— Въ Великій Постъ, когда Святая Церковь,
Велитъ уединяться и молиться,
Бояре пиръ ведутъ, а скоморохи
Соблазнъ и скверну громко припѣваютъ!
И мы еще несчастіямъ дивимся,
Которыми насъ взыскиваетъ Небо?!
Мы сами, добровольно, злой заразъ
Широкія ворота отворили,
Мы призвали изъ-за-моря людей,
Что-бъ горю и бѣдѣ насъ научили!

Делагарди.

Послушай, Ляпуновъ!

Ляпуновъ.

Нѣтъ, Воевода,
Твоя рѣчь впереди, а ты дослушай!
— А наши жены, дочери и сестры?
Имъ Богъ велѣлъ, въ завѣтной тишинѣ,
Обязанность семейственную править; —
И чистота была удѣломъ нашимъ!
Въ дѣлахъ земли ничтоженъ женскій умъ,
Въ ихъ мягкомъ сердцѣ страсти въ вѣчной бурѣ;
Но мудрость предковъ все предусмотрѣла,
Разчислила: гдѣ быть женѣ, гдѣ мужу —
И провела границу ихъ властямъ.
Не знали мы разводовъ и разрывовъ!
Что связывалъ Господь на небесахъ,

Того мы на землѣ не разрывали!
И о грѣхѣ не думала жена,
И о грѣхѣ не снилось красной дѣвѣ!
Теперь — не то! По матушкѣ-Москвѣ
Боярыни, боярышни гуляютъ,
Не только безъ фаты и рукавовъ; —
Съ открытой грудью, да, съ открытой грудью!
Я самъ видалъ еще весьма не давно,
Какъ Нѣмецъ цѣловалъ у дѣвы руку
И на завѣтныя глаза — лукаво
Свой сладострастный взоръ вперялъ, безбожникъ!
Неужели все это хорошо?
Вамъ кажется смѣшно, а мнѣ ни мало;
На слѣдствія смотрите, и тогда
Судите, правъ-ли я?

Князь.

Прокопъ Петровичь,
Я самъ съ тобой почти во всемъ согласенъ.

Ляпуновъ.

Согласенъ, а призвалъ еретиковъ!
Согласенъ, а братается со Шведомъ!! —

Князь.

Кто-жъ виноватъ? Не ты-ли Ляпуновъ
Самъ первый поднялъ знамя возмущенья,
Самъ первый научилъ измѣнѣ?..

Ляпуновъ.

Князь,
Коли простилъ, такъ не кори измѣной!

Князь Михаилъ Васильичь, мы загладимъ
Измѣну нашу, только Шведовъ прочь!

Делагарди.

Не думай, Ляпуновъ, чтобъ мы хотѣли
Итти къ вамъ добровольно; Царь просилъ
У Короля противу *васъ* подмоги,
И Князь Скопинъ самъ лично прiѣзжалъ
И насъ повелъ почти насильно...

Ляпуновъ.

Боже!
И это Царство Русское! О стыдъ!
Да знаетъ-ли вашъ пресловутый Западъ,
Что если Русь возстанетъ на войну,
То вамъ почудится сѣдое море,
Что буря гонитъ на берегъ противный!..
Мы можемъ затопить, какъ наводненье!
Мы можемъ, какъ пожаръ, весь Западъ сжечь!
У насъ есть Крестъ, святѣйшiй изъ Крестовъ!
У насъ есть мечь, сильнѣйшiй изъ мечей!

Къ чему намъ чужеземцы? Воевода,
Вѣдь мы съ тобой, вся Русь теперь съ тобою;
Еретиковъ не стыдно-ли бояться,
Еще стыднѣе быть въ союзѣ съ ними...
Жени ихъ прочь, Князь Михаилъ Васильичь!
Когда не будетъ ихъ, вся Русь съ любовью
Освободителя обниметъ Церкви.
Не имъ-ли мстить обиды Православныхъ?
Не имъ-ли стать за Русскаго Царя?
Кого благодарить имъ за побѣду?
Въ какомъ Соборѣ имъ служить молебенъ?!.

Князь.

Ужасный человѣкъ!.. Прокопъ Петровичь,
Согласенъ я во всемъ съ тобой, но Шведы,
Что прибыли со мной, не таковы!
Мой Яковъ Делагарди — благороденъ
Благонамѣренъ, честенъ....

Ляпуновъ.

Вѣрю, вѣрю!
Но подъ тобой и Турокъ будетъ честенъ!
Дай волю имъ, — переродятся... Впрочемъ,
Вѣдь онъ одинъ не составляетъ войска.
Онъ посланъ Королемъ, какъ Воевода;
А съ нимъ кто посланъ? Воры, душегубцы,
Грабители! Князь Михаилъ Васильичь,
Жени ихъ прочь! А если ты боишься,
Что-бъ не зажечь междоусобья въ Царствѣ;
Дай мнѣ назадъ измѣнниковъ моихъ,
И мы отъ насъ проводимъ ихъ по-Русски!

═

ВЫХОДЪ 15.

ТѢ-ЖЕ И ВАЛУЕВЪ.

Валуевъ.

Князь Михаилъ Васильичь! Къ намъ пріѣхалъ
Гонецъ полка передоваго. Ляхи
Съ Сапѣгой къ Слободѣ подходятъ.

Князь.

Яковъ,
Пошли Зоме узнать подробнѣй дѣло!

Какъ много ихъ, съ какимъ идутъ снарядомъ,
И держатъ путь на насъ или на Польшу?
Валуевъ, войско приведи въ порядокъ!
Всѣ ставки снять, весь боевой снарядъ
Вести съ собой; мы перемѣнимъ мѣсто;
И если побѣдимъ Сапѣгу, дѣло
Окончено! — Я самъ веду мой Полкъ!
Въ Сторожевомъ Полку, Прокопъ Петровичъ,
Ты остаешься Главнымъ Воеводой!

=

ВЫХОДЪ 16.

КНЯЗЬ СКОПИНЪ И ЛЯПУНОВЪ.

Ляпуновъ.

Князь Михаилъ Васильичъ, ради Бога!
Позволь мнѣ стать въ лице моимъ врагамъ,
Позволь мнѣ возвѣстить мечемъ булатнымъ,
Что я съ тобой, что Ляпуновъ ужъ Русскій,
Что мечь въ рукахъ моихъ ужъ не за ересь,
А за Святую Церковь и за правду!

Князь.

Прокопъ Петровичъ, докажи смиреньемъ,
Что искренне раскаянье твое!
Ты безъ заслугъ еще, Прокопъ Петровичъ,
И можетъ быть я дурно поступилъ,
Вручивъ тебѣ сторожевое войско;
Но я давно твой ратный умъ замѣтилъ
И промѣнялъ на старшихъ воеводъ.

Ляпуновъ.

Князь Михаилъ Васильичь! Ради Бога,
Пусти меня не Царскимъ Воеводой
А воиномъ послѣднимъ, но впередъ,
Впередъ, въ глаза еретикамъ поганымъ!
Позволь мнѣ стать въ ряды твоихъ стрѣльцовъ,
Иль на коня, — я буду Казакомъ,
Иль пушку дай, — я стану пушкаремъ,
Но только бы врага почуять въ полѣ,
Съ нимъ повести кровавую бесѣду,
Потѣшиться на праздникѣ смертельномъ! —

Князь.

Нельзя, Прокопъ Петровичь! Самъ подумай,
Какъ много я нарушилъ изъ обрядовъ,
Простилъ тебя безъ Царскаго прощенья,
Далъ мечь безъ Царскаго соизволенья,
Какъ духовникъ, измѣну отпустилъ
И надъ Боярами тебя поставилъ!

Ляпуновъ.

Все, все назадъ!.. но только въ это поле
Пусти меня, Князь Михаилъ Васильичь!
Казни меня, но послѣ этой битвы!
Послѣдній бой быть можетъ съ супостатомъ,
И я моихъ грѣховъ не смою кровью;
Все тѣмъ-же я измѣнникомъ останусь,
Измѣнникомъ, изъ милости прощеннымъ!

Князь.

Прокопъ Петровичь, будь благоразуменъ,
Пойми меня, ты можешь понимать!

Я съ умысломъ тебя здѣсь оставляю.
Намъ трудно-ли Сапѣгу одолѣть?
Вѣдь рать моя противу Польской — море!
Мы въ полъ-часа разсѣемъ гордыхъ Ляховъ,
Ты все таки измѣны не загладишь,
Хотя-бъ и былъ со мной; а здѣсь въ Полку
Умѣй сойтись съ боярами и войскомъ;
Умѣй ихъ привязать къ себѣ любовью;
Ты нуженъ мнѣ. Придетъ пора, Прокопъ
Петровичь, въ Польшу мы пойдемъ съ тобою;
Мы грянемъ въ нихъ непобѣдимой ратью,
Разсыплемъ хвастуновъ по цѣломъ свѣтѣ,
Отмстимъ имъ поруганье Годунова,
Неуваженье славы Іоанна,
Нововведенія и порчу нравовъ,
Отнимемъ драгоцѣнную добычу,
Сохой пройдемъ мятежную Державу
И гробъ Баторія, какъ стягъ, полонимъ!

Ляпуновъ.

Ура! Ты точно Русскій Воевода!
Князь-Ангелъ, Князь-Надежа, повинуюсь!

Князь.

Заговорили пушки! Слава Богу!
Прости мой другъ!

Ляпуновъ.

Прости, мой Воевода!

ВЫХОДЪ 17.

ТѢ-ЖЕ И ВАЛУЕВЪ.

Валуевъ.

Сапѣга нападаетъ!

Князь.

Отражайте,
Вы бейте, я добью. Прокопъ Петровичь,
Въ походъ готовься! Я хочу придвинуть
Всю нашу рать къ Москвѣ первопрестольной!
Прости, Прокопъ Петровичь, до свиданья!

═

ВЫХОДЪ 18.

ЛЯПУНОВЪ (одинъ).

Великій человѣкъ! Съ какимъ смиреньемъ,
Съ какой заботой онъ несетъ свой санъ!
Далъ Богъ Руси, по Царству, Воеводу!..

Скорѣй бы въ Польшу долгъ платить кровавый,
Высчитывать обидами обиды,
И завалить колодезь ядовитый,
Изъ коего мы черпаемъ заразу...

Князь, Михаилъ Васильичь, ты постигъ,
Что я люблю Святую Русь, какъ Бога!
Ты отгадалъ, что я не измѣнялъ,
А только по ошибкѣ заблуждался!
Ты взвѣсилъ, что измѣнникъ Ляпуновъ

Полезнѣе вѣрнѣйшихъ чужеземцевъ!
Ты правъ, ты правъ! Разсчетливъ разумъ твой!
Я другомъ сталъ твоимъ и крѣпкимъ другомъ!
Какъ не любить спасителя отчизны!
И какъ намъ знать, быть можетъ на тебя
Вѣнецъ Царей наслѣдственно нисходитъ?
Врагъ мѣстничества, врагъ боярской спѣси,
Сынъ Церкви и войны, сынъ доблихъ предковъ,
Братъ мужества и другъ прямыхъ достоинствъ
Съ такимъ Царемъ что̀ можетъ значить Русь?!...

Наслѣдственно?.. А время улетаетъ;
Василій слабъ, умретъ и на Престолъ
Взойдетъ Димитрій Шуйскій, столь-же слабый,
Не столь благоразумный, какъ Василій!
Василію подъ стать такой преемникъ.
Онъ не затмитъ его полезныхъ дѣлъ
Великими дѣяньями своими;
За то кровавую дѣлъ страшныхъ память
Димитрій новой кровію закраситъ!
Святая Русь! Ужасенъ жребій твой!
Ужели ждать конца твоимъ несчастьямъ
И не дерзнуть перемѣнить судьбы,
Простымъ, единственнымъ и вѣрнымъ средствомъ?.
Безъ смутъ, безъ крови, безъ опасныхъ споровъ
Мы можемъ молодаго Воеводу
Склонить къ принятію вѣнца; столь юный,
Столь пылкій, можетъ быть честолюбивый
Не устоитъ передъ соблазномъ власти! —
Младой орелъ — окинетъ взоромъ міръ,
Взмахнетъ крыломъ, испытывая силу...
— Могущъ! силенъ! и вотъ на яркомъ небѣ
Орелъ виситъ недвижными крылами!

И ловитъ міръ, далекую песчинку!
Таковъ Герой, когда въ младой душѣ
Сознаетъ мощь способностей и воли!
Таковъ Скопинъ! — Умѣйте только двинуть
Его могущимъ сердцемъ; это сердце
Не долго свѣжимъ жаромъ пламенѣетъ;
Земля полна тѣхъ ядовитыхъ чувствъ,
Что лучшія младой души стремленья
Порокомъ иль соблазномъ отравляютъ,
И часто юноша съ умомъ великимъ,
Бываетъ слабоумнымъ старикомъ;
Бездѣйствіе — душевная отрава!

И такъ не станемъ времени терять!
Теперь пора! Не должно ждать блаженства,
Которое быть можетъ и не можетъ,
Когда предъ нами вѣрное блаженство!

Князь говорилъ, что рать свою къ столицѣ
Придвинуть хочетъ; что во-мнѣ есть нужда!
Быть можетъ не нарокомъ, вѣщимъ сердцемъ,
Я угадалъ мысль тайную его....
О Михаилъ! Великая надежда
Моей Руси! Такъ, Ляпуновъ рѣшился,
И съ упованьемъ на тебя и Бога
Святую Матерь нашу, эту Русь,
Отъ восхожденья солнця до Днѣпра,
Отъ вѣчныхъ льдовъ Архангельскихъ до Турокъ,
Онъ заключитъ въ единственное слово —
И это слово будетъ — твой вѣнецъ!

Ахъ! Подъ твоимъ отеческимъ крыломъ,
Святая Русь войдетъ въ свои предѣлы,
Отниметъ то, что отняли у ней

И должникамъ долги свои заплотитъ!
И не безъ дѣла будетъ Ляпуновъ;
Твой первый другъ, твой первый Воевода,
Съ отдѣльной ратью грянетъ Ляпуновъ
На гордаго сосѣда; затрепещетъ
Надменный Жигмондъ; Римскій Императоръ
Смутится слухомъ о моихъ знаменахъ;
И Русь, какъ лебедь, въ чистотѣ и силѣ,
На Океанъ возляжетъ бѣлой грудью.

=

ВЫХОДЪ 19.

ЛЯПУНОВЪ И РЖЕВСКІЙ.

Ляпуновъ.

Возможно-ли? Такъ скоро изъ Москвы?
Здорово, милый гость, здорово Ржевскій!

Ржевскій.

Здорово, Ляпуновъ! Князь въ полѣ?

Ляпуновъ.

Въ полѣ.

Ржевскій.

Я Грамоту привезъ къ нему?

Ляпуновъ.

Какую?

Ржевскій.

Царь милости въ ней посылаетъ войску,
И ты, Прокопъ Петровичъ, не забытъ.

Ляпуновъ.

Я незабытъ? — Царь милостивъ....

Ржевскій.

И очень.
Я говорилъ тебѣ, что онъ проститъ.

Ляпуновъ.

Я ужъ давно прощенъ....

Ржевскій.

Не Царскимъ словомъ.
Князь угадалъ Цареву мысль; въ добавокъ —
Ты въ Думные пожалованъ Дворяне.

Ляпуновъ.

Я — въ Думные пожалованъ Дворяне?!

Ржевскій.

Отъ сердца поздравляю!

Ляпуновъ.

Полно-ль вправду
Я Думный Дворянинъ? Ты не ошибся?

Ржевскій.

Нѣтъ, не ошибся я, Прокопъ Петровичъ!
Теперь бѣгу поздравить воеводъ;

Пріятно первому Цареву милость
Имъ объявить. — Прости, Прокопъ Петровичь!

=

ВЫХОДЪ 20.

Ляпуновъ. (одинъ)

Я думный Дворянинъ!! Нашелъ награду
Тому, кого Бояре трепетали,
Кому вся Русь повиновалась слѣпо
И только отъ его могучей воли
Войны иль мира смутно ожидала!
Давно-ль Москва, какъ море передъ бурей,
Моимъ умомъ и волей колебалась!
Я въ Думные пожалованъ Дворяне!
Насмѣшка это, или тайный умыслъ
Меня унизить въ мнѣніи народномъ!!

=

ВЫХОДЪ 21.

ЛЯПУНОВЪ и многіе **ВОЕВОДЫ**.

Первый Воевода.

Пожаловалъ! Ужъ подлинно въ насмѣшку!
Прислалъ двѣ шубы!

Второй Воевода.

Какъ! Прислалъ двѣ шубы,
А мнѣ, подумать стыдно, кубокъ....

*

Первый.

Кубокъ!
Ужъ подлинно въ насмѣшку! — Воевода,
Мы знать съ тобой незаслужили больше!

Второй.

Незаслужилъ! Не знаю сколько кубковъ
Я пролилъ крови за его спасенье....

Первый.

Добро-бъ уже отъ Царской крови Царь;
И шапкой подаритъ, и то ужъ милость,
А слово красное иной разъ лучше,
Богаче съ золотомъ мѣшка, — А Шуйскій?
Свой братъ; бывало *я* ему дарилъ
О праздникахъ пушистыхъ соболей....

Вторый.

Братъ! Не хвались! Еще при Годуновѣ,
Я въ имѣнины посылалъ къ нему
И не такіе кубки съ поздравленьемъ,
А онъ теперь шлетъ кубокъ въ награжденье.

Третій.

И ништо намъ! Противу общей воли,
Мы Шуйскаго поставили Царемъ.
Надѣялись, что равный намъ Бояринъ
Обзолотитъ наградами друзей....

Ляпуновъ.

Ну, не легко вамъ угодить, Бояре!
Василій старъ, дѣлами озабоченъ,

Какъ каждаго упомнить Воеводу
Въ такой огромной рати; наградить
Достойно каждаго; шестой десятокъ
Ужъ на исходѣ; память ослабѣетъ,
Особенно при смутахъ безпрерывныхъ.

=

ВЫХОДЪ 22.

ТѢ ЖЕ и другіе ВОЕВОДЫ.

Четвертый Воевода.

Пожаловалъ! Господь ему прости!
Прислалъ два сорока рублей въ награду!!

Ляпуновъ.

Эхъ, согласиться должно, Воеводы,
Казна истощена, а нашъ Василій
Ужъ больно старъ; мытарствуютъ Бояре,
А онъ не примѣчаетъ, да и трудно
Въ такія лѣта, что нибудь примѣтить.

Первый Воевода.

Что, Ляпуновъ! Ты умный человѣкъ,
Мы знаемъ, оправдать его съумѣешь!
Василію спрячь красныя слова!

Второй.

Нѣтъ, слушайте, не то онъ запѣваетъ:
Онъ дѣло началъ.

Первый.

Слушаемъ; ну, чтожъ?

Ляпуновъ.

Чтобъ управлять такимъ огромнымъ Царствомъ
Въ такое время — нуженъ человѣкъ
И молодой и умный и отважный!
Вы помните Василія въ Боярахъ?
Для пользъ своихъ онъ нежалѣлъ сокровищь,
Для пользъ чужихъ копѣйки не давалъ.

Первый Воевода.

Какъ мнѣ не помнить? Вмѣстѣ Самозванца
Мы извели.

Второй.

Молчите! Пусть онъ кончитъ!

Ляпуновъ.

Онъ цѣлый день молился; за молитвой
О хитростяхъ и казняхъ помышлялъ.
Лукавствовалъ предъ сильнымъ Годуновымъ,
Былъ другомъ вдругъ Царю и Самозванцу
И сталъ врагомъ при первой перемѣнѣ.

Третій.

Охъ, страшно слушать!..

Второй.

Говори потише!...

Ляпуновъ.

Я правду говорю; чего бояться?
Послушайте! Вамъ непонятенъ строгій,
Но справедливый голосъ Ляпунова!
Я Русь люблю, вы любите себя!
Я за покой отечества страдаю,
А вы страдаете за ваши шубы,
За ваши кубки и оклады. — Сердце
У васъ молчитъ, когда браздами Царства
Не Царскій сынъ, а равный вамъ Бояринъ
Спокойно правитъ; надъ Разрядомъ вашимъ
Смѣется, какъ надъ сказкой дурака!
Еще хитритъ Вассилій; будетъ время,
Когда пойдетъ открыто противъ васъ,
Не дастъ не только шубы и оклада,
Но собственность послѣднюю отниметъ...

Первый.

Прокопъ Петровичъ, я съ тобой согласенъ,
Но средствъ не вижу зло предупредить!

Второй.

И, правду молвить, нечего спѣшить
Хотя Василій избранъ не Соборомъ;
Однакоже народъ къ нему привыкъ...

Третій.

А ежели Князь Михаилъ Васильичь
Преемникомъ ему объявленъ будетъ? —

Ляпуновъ.

А Князь Димитрій?.. Ждите! Богъ поможетъ
Василію десятокъ лишній жить;

Тогда и Князь принаровится къ дядѣ.
Да никогда не быть ему Царемъ.
Завистливъ взоръ Василія! Нарочно
Онъ назоветъ преемника такого,
Который превзойдетъ его въ обманахъ,
Въ лукавствѣ, хитростяхъ! О ждите, ждите!

Воеводы. (между собою)

Послушайте, онъ дѣло говоритъ. —
Предложимъ Князю Шапку Мономаха. —
Но Князь не согласится! — Согласится. —
Онъ честенъ. — Искушеніе безмѣрно. —
Вся Русь за насъ. — Кто этого незнаетъ;
Да какъ онъ самъ....

Ляпуновъ. (про себя)

Совѣтуйтесь, Бояре!
Совѣтъ вашъ глупъ, умно согласье ваше. —

=

ВЫХОДЪ 23.

ТѢЖЕ и КНЯЗЬ СКОПИНЪ.

Князь.

Все кончено! Послѣдній врагъ бѣжалъ!
Съ побѣдой поздравляю, Воеводы!

Воеводы.

Да здравствуетъ Князь Михаилъ Васильевичь!

Князь.

Благодарю, друзья! Сбылось желанье!
Потери нѣтъ. Отъ перваго удара
Смѣшались Ляхи; Шведы дружнымъ рядомъ
Пошли впередъ — и побѣжалъ Сапѣга.
Его теперь преслѣдуетъ Зоме
И Делагарди. Что, Прокопъ Петровичь,
Не видишь-ли расчета въ этомъ дѣлѣ,
Который льститъ твоимъ расчетамъ?

Ляпуновъ.

Такъ,
Князь Михаилъ Васильичь! Вижу ясно,
Что ты рожденъ на счастіе отчизны!
Тебя Господь вождемъ поставилъ войску,
Какъ на ступень къ другому назначенью!
Ты не рожденъ для подвиговъ военныхъ;
Жалѣя крови, ты не ищешь битвъ;
Ты, какъ отецъ, о воинахъ печешься,
Ты справедливъ въ наградахъ и расправѣ;
Умѣренъ въ жизни, набоженъ и добръ,
Умомъ своимъ объемлешь Государство,
Смущаешь хитрость, знанье уважаешь,
И тѣсно поле брани для тебя!
Другое поле Богъ тебѣ назначилъ;
Внемли его всесильному призыву!

Князь.

Прокопъ Петровичь! Рѣчь замысловата...

Ляпуновъ.

Дослушай, Князь! Святая наша Русь
Отъ смерти Өедора скорбитъ и страждетъ

И Годуновъ — такой же Самозванецъ,
Хотя онъ избранъ полной Земской Думой;
Онъ самъ навелъ свой незаконный выборъ
И путь къ Престолу уготовалъ кровью...
Другаго Богъ судилъ судомъ верховнымъ
За оскорбленье имени Святаго.
Ужасные года! Не въ это-ль время
Святая Русь въ крови своей купалась?
Не въ это-ль время саранчи заморской
Убійственная туча налетѣла?
Не въ это-ль время добрый нашъ народъ
Сталъ подозрителенъ, непостояненъ;
Не на него-ль ярмомъ невыносимымъ
Вліяніе упало чужеземцевъ?
И онъ страдалъ отъ крови и коварства,
Отъ ратной хитрости гостей незваныхъ,
Отъ злобной хитрости заморскихъ знаній;
И я и ты и каждый гражданинъ
Оплакивали только нашу участь;
Мы вѣрили: минуетъ это время!
Мы вѣрили: Бояринъ Князь Василій
Иваничъ Шуйскій свергнетъ это иго!
Всѣмъ равный судъ и равная расправа,
Любовь своимъ, опала чужеземцамъ,
Гроза врагамъ, покой святому Царству!
О мало-ли блистательныхъ надеждъ
Съ Василіемъ вступало на престолъ!
Но не сбылись святыя ожиданья!
Онъ старъ и слабъ, привыкнувъ быть рабомъ,
Онъ на престолѣ рабствуетъ страстямъ;
Слабѣя тѣломъ, онъ слабѣетъ духомъ;
Нѣтъ, не ему вступить въ борьбу съ соблазномъ,
Святую Русь любовію обнять,

Смутить враговъ — ума всемощной думой;
Стереть врага непобѣдимой ратью!..
Нѣтъ, не ему, Князь Михаилъ Васильичь!
Тебѣ, тебѣ назначенъ этотъ жребій!

(Преклоняетъ колѣна, нѣкоторые воеводы слѣдуютъ его примѣру, другіе неподвижно глядятъ на Князя.)

Князь, Михаилъ Васильичь! Воеводы,
Бояре, Стольники, всѣ города,
Вся Русь — тебя Царемъ своимъ избрала!
Прими вѣнецъ!

Князь (послѣ минутнаго молчанія, гнѣвно.)

Повѣсить Ляпунова!

(Воеводы, всѣ, безъ исключенія, бросаются обезоружитъ Ляпунова.)

КОНЕЦЪ ВТОРАГО АКТА.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

ВЪ МОСКВѢ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Внутренность терема Димитрія Шуйскаго.

ВЫХОДЪ 1.

Екатерина (одна, у отвореннаго окна.)

Какое торжество! Колокола
Не устаютъ гремѣть, какъ будто въ праздникъ!
Народъ съ разсвѣта у воротъ Кремлевскихъ
Ждетъ Князя Михаила... О Василій!
Не сдобровать тебѣ! Пріятель ближній
И побѣдитель въ тысячѣ сраженій
Съумѣетъ воевать Москву и Царство! —
— О солнце высоко! — Такъ высока
И Царская держава. Кто достигъ
Ее трудомъ своимъ, тотъ пусть боится,
Чтобъ не упасть съ безмѣрной вышины!
Вѣдь власть его — искуственное солнце... —
— Бездѣтенъ Царь, Царица безнадежна.
Наслѣдуетъ Василію Димитрій,
А Ей наслѣдуетъ Екатерина! —

Мои, мои Кремлевскія палаты!
Въ Соборѣ — я на первомъ мѣстѣ; люди,
Какъ на икону, смотрятъ на Царицу. —
Задумаю — и словно колдовствомъ
Сбываются малѣйшія желанья!
Молюсь-ли я, — все молится со мной!
Засну-ли, — все безмолвьемъ спитъ, безъ сна!
Печальна-ль я, — и всѣ со мной печальны;
Я весела, — и всѣ цвѣтутъ весельемъ!
Небесный санъ, во-истину небесный!
О скоро-ли?... Какой ужасный шумъ!..

(За сценой слышенъ глухой крикъ.)

Да здравствуетъ Князь Михаилъ Васильичь!

Екатерина (смотря въ окно.)

Вотъ онъ, нашъ юный вождь и побѣдитель!
На колесницѣ, безъ коней; народъ
Въ густой толпѣ сливаясь воедино
Запрягся и везетъ его. — Василій,
Ты смотришь-ли на это торжество?
Здѣсь много думъ въ толпѣ народной тонетъ
И каждая грозитъ раздумьемъ горькимъ! —
Вотъ мужъ мой, Духовенство и Бояре
На паперти соборной вышли въ встрѣчу!
О Князь Димитрій, можетъ быть врага
Ты поздравляешь братскимъ поздравленьемъ! —
Но Князь, какъ слышно, добръ и благороденъ;
Онъ, говорятъ, Прокопа Ляпунова
Велѣлъ казнить за предложенье Царства.
Но если все — одинъ обманъ?!.. Василій,
Ты былъ уменъ, не оплошай въ концѣ,
Не то, не быть Димитрію въ вѣнцѣ!

═

ВЫХОДЪ 2.

ЕКАТЕРИНА и **ФИДЛЕРЪ** (оставаясь у входа.)

Екатерина (смотря въ окно.)

Замолкла площадь, все ушло въ Соборъ!
Поистинѣ, и я должна-бъ молиться!
Но силы нѣтъ; таинственная дума,
Какъ будто-бы докучливая муха,
Не отстаетъ... Минуй меня, Спаситель,
Твоимъ Крестомъ. (Отходя отъ окна и увидавъ Фидлера.)
Ахъ, здравствуй, добрый Фидлеръ!
Ты во-время пришелъ, я не здорова.

Фидлеръ.

Что съ вами?

Екатерина.

Ахъ! Я и сама не знаю;
Такъ не здоровится; потѣю, зябну,
И жаръ, и холодъ...

Фидлеръ.

Простудились, вѣрно;
Такъ долго у окна...

Екатерина.

Да... у окна...
Изъ любопытства...

Фидлеръ.

Любопытный праздникъ.
Такого, говорятъ, въ столицѣ здѣшней
Не видано, не слыхано...

Екатерина.

Да, правда.
При Іоаннѣ, кажется...

Фидлеръ.

О нѣтъ!
Вѣдь это Императорскій тріумфъ!

Екатерина.

Ты говорилъ объ этихъ торжествахъ;
Я помню...

Фидлеръ.

Я смотрѣлъ на весь тріумфъ,
И признаюсь, я не встрѣчалъ и въ книгахъ
Такого торжества! Народъ Московскій,
Въ какомъ-то упоительномъ восторгѣ,
Смотрѣлъ на гордаго любимца славы
И радостной надеждой трепеталъ,
Что этотъ Князь наслѣдникъ Царскій.

Екатерина (стремительно.)

Фидлеръ!

Фидлеръ.

Княгиня, вы встревожены? —

Екатерина (въ совершенномъ смущеніи.)

О нѣтъ...
Да, я встревожена восторгомъ общимъ...

Я раздѣляю радость православныхъ...
Я трепещу... я плачу... видишь, плачу...

Фидлеръ.

О чемъ, Княгиня?

Екатерина.

Фидлеръ, я больна!
Когда нибудь ты не найдешь меня!

Фидлеръ.

Княгиня, наши средства вамъ помогутъ!
Позвольте руку...

Екатерина (тихо)

Нѣтъ, не дамъ руки;
Онъ можетъ догадаться, чернокнижникъ,
Чѣмъ я больна. (громко) Къ чему тебѣ рука,
Когда страдаетъ голова и сердце?..

(садясь.)

Оставь мою болѣзнь въ покоѣ, Фидлеръ!
Ты разскажи мнѣ лучше что нибудь; —
Такъ много ты читалъ, видалъ и слышалъ!

Фидлеръ.

Вамъ кажется, что свѣтъ у насъ другой,
Что мы съ луны на шаръ земной спадаемъ!
Все тѣ же люди; только нравы разны,
Религія и кругъ познаній...

Екатерина.

Фидлеръ,

Но для чего-же разница?

Фидлеръ.

Княгиня,

Спросите: для чего на свѣтѣ люди?...

Екатерина.

Чтожъ, ты доволенъ нашимъ Государствомъ?

Фидлеръ.

Нѣтъ! — Перемѣны ваши слишкомъ быстры
Давно-ль я на Руси, а три Царя
Одинъ другаго съ трона низвергаютъ!
И, можетъ быть, не далѣе недѣли,
Мы на Престолѣ новаго увидимъ!

Екатерина. (вставъ)

Кого-же это?

Фидлеръ.

Князя Скопина!

Екатерина.

Господь съ Тобой!..

Фидлеръ.

Вы женщина, Княгиня!
На смуты черни вамъ нельзя смотрѣть;

Огромныя васъ отдѣляютъ стѣны
Отъ поприща и козней и страстей!
Къ вамъ — только отголоски достигаютъ.

ЕКАТЕРИНА.

О, Фидлеръ, нѣтъ! Ты знаешь, я люблю,
Подобно женамъ Запада, познанья;
Люблю участвовать въ мужскихъ занятьяхъ;
И, можетъ быть, я лучше вижу вещи,
Чѣмъ многіе мущины. —

ФИДЛЕРЪ.

Нѣтъ сомнѣнья;
Но васъ къ тому недопускаютъ нравы.

ЕКАТЕРИНА.

Не для меня ихъ суетный законъ!
Не вся-ли Русь Димитрія считаетъ
И умнымъ и смышленымъ человѣкомъ?
Не такъ-ли?...

ФИДЛЕРЪ.

Такъ! И это вы, Княгиня?

ЕКАТЕРИНА.

Неспрашивай! Скажи мнѣ лучше, Фидлеръ,
Что думаешь о Князѣ Скопинѣ?

ФИДЛЕРЪ.

Я думаю, что голосъ всѣхъ сословій,
Достигнетъ до Василія; Москва

Сегодня громко говорила: должно
Наслѣдникомъ быть Князю Скопину;
Послѣдній мѣщанинъ, на Князя глядя,
Кричалъ, да здравствуетъ Наслѣдникъ Царскій!
И это не восторгъ одной минуты;
Я тайно слышалъ разговоры гражданъ
Бояръ, сановниковъ; единогласно,
Обдуманно всѣ прочатъ Михаила
Въ преемники Василію; при томъ-же
Бездѣтенъ онъ, и старъ и слабъ и боленъ;
Онъ долженъ скоро объявить свой выборъ, —
И нѣтъ сомнѣнья, онъ падетъ на Князя....

Екатерина.

Нѣтъ, Фидлеръ, нѣтъ. — Онъ добръ и благороденъ;
Ему-ль Престолъ чужой принять лукаво,
Ему-ли оскорбить роднаго дядю?...

═

ВЫХОДЪ 3.

ТѢ-ЖЕ и КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ.

Кн. Димитрій.

Ухъ! Какъ усталъ! И нечему дивиться;
Толпа такая, тѣсно, душно, жарко!
Я полагалъ: народонаселенье
Въ Москвѣ гороздо меньше... Слава Богу,
Что кончилось...

Екатерина.

А гдѣ-же Князь теперь?

Кн. Димитрій.

Онъ у Царя на единѣ остался;
Мы разошлись....

Екатерина.

Что-жъ слышно во дворцѣ?

Кн. Димитрій.

Что? Ничего! Шушукаютъ Бояре,
Не разберешь о чемъ ихъ тайный шопотъ,
Но видно всѣ довольны.

Екатерина.

О Димитрій,
Ты не разслушалъ ихъ рѣчей коварныхъ,
Не подглядѣлъ причины ихъ веселья!

Димитрій.

На что мнѣ знать? — Не обо мнѣ ихъ шопотъ.

Екатерина.

Ахъ, о тебѣ, Димитрій, о тебѣ!
То на тебя лукавыя насмѣшки.

Димитрій.

И, мать моя, пускай себѣ смѣются;
Вѣдь имъ-же худо будетъ, какъ узнаю.

Екатерина.

Узнаешь? — Да, узнаешь по неволѣ!
Но не тогда, когда-бы должно знать. —
Смотри: сегодня, завтра Михаила
Преемникомъ объявятъ....

Димитрій.

Ну, такъ что-жъ?

Екатерина.

Какъ что? Не ты-ль Василію преемникъ?!

Димитрій.

Что за законъ, когда Царю угодно?
Что Богъ — Царю на Царскій умъ положитъ,
Тому и быть; а намъ съ тобой жена
Не мудрствовать противу Божьей власти!
Ужъ ты мнѣ надоѣла, Катерина,
Съ Престоломъ Царскимъ! Ты займись своимъ!
Ахъ, Господи! Чуть не забылъ о дѣлѣ,
Изъ пустяковъ. Я молодаго Князя
Просилъ къ себѣ сегодня отобѣдать.
Вотъ бабье дѣло: припаси всего,
Устрой, какъ пиру быть, да и сама
Принарядись! — А я пойду, прилягу,
Чтобъ за столомъ не отставать отъ прочихъ.

=

ВЫХОДЪ 4.

ЕКАТЕРИНА и ФИДЛЕРЪ (поодаль)

Екатерина.

Ребенокъ слабоумный, вотъ объ чемъ
Такъ суетно, старательно хлопочетъ!
Когда Престолъ глядитъ ему въ глаза
И просится къ безумному насильно; —
Онъ самъ его спокойно отвергаетъ
И мальчику свой жребій уступаетъ! —

Фидлеръ. (про себя)

О чемъ моя задумалась Княгиня?

Екатерина. (про себя)

Престолъ Царей!! Повелѣвать другими
А не самой другимъ повиноваться!!
Быть независимой въ своихъ поступкахъ,
Поступками чужими управляя!!..
Князь Михаилъ Васильичь, — до вѣнца
Какъ отъ меня — до Вышняго Отца!!

Фидлеръ. (тихо)

Лице играетъ, бурно ходятъ перси;
О, какъ неугадать твоихъ движеній?!

Екатерина. (про себя)

Къ вѣнцу какой дорогой ходятъ люди? —
Не нужно-ли разбойникомъ засѣсть
И гордеца убить на перепутьи? —
А тайной — трупъ, какъ саваномъ, обвить. —
Коснуться-ли, ехидной ядовитой,
Твоей главы, побѣдами увитой?.....

. . . .

Нѣтъ! Царствуй, Богъ съ тобой, спокойно Царствуй!...

. . . .

Быть можетъ твой вѣнецъ тяжелымъ гнетомъ
Задавитъ гордеца!...... О Михаилъ!
За что, за что — я, слабая жена,
Любимая, любившая когда-то,

Волнуюсь на ужасныя дѣянья
И справедливой славы ненавижу!..
Невиненъ ты въ твоемъ великомъ сердцѣ
И въ добротѣ и въ храбрости невиненъ!
Невиненъ ты и въ радости народной,
Ты неучаствуешь въ надеждахъ дерзкихъ.
Не ты-ль казнилъ злодѣя Ляпунова
За тоже предложенье? О, не ты-ли
Василію Престолъ его спасалъ?
Вездѣ, всегда великъ и бескорыстенъ,
Прости мня, я втайнѣ согрѣшила,
Какъ вора, я Героя обвинила!

Фидлеръ. (приближаясь)

Княгиня....

Екатерина.

Ахъ, ты здѣсь еще?.. Пора
Готовить пиръ.

Фидлеръ.

И для кого, Княгиня?
Заблаговременно къ Царю привыкнуть,
Задобрить Царское его вниманье,
Чтобъ миловалъ и жаловалъ.... не дурно!

Екатерина.

Послушай, Фидлеръ; ты намъ другъ, я знаю,
Я вижу ты о тайнѣ догадался,
Ты понялъ, что грозитъ тебѣ и намъ;
Любимецъ прежній — новому Владыкѣ

Несносенъ и противенъ.... Точно-ль, Фидлеръ,
Ты къ намъ, какъ сынъ, какъ братъ родной, при-
вязанъ?

Фидлеръ.

Я къ вамъ привязанъ выгодой и сердцемъ.

Екатерина. (про себя)

Въ нихъ выгода надежнѣе, чѣмъ сердце!

(громко)

Дай мнѣ совѣтъ, по мудрости твоей,
Простой, съ твоими чувствами согласный!
Быть — иль не быть ему Царемъ? —

Фидлеръ.

Не-быть!

Екатерина.

И такъ?

Фидлеръ.

Рѣшительность и осторожность!

Екатерина.

А средства?

Фидлеръ.

Есть.

Екатерина.

Какія-жъ это средства? —

Фидлеръ.

Путь честолюбія гористъ и тѣсенъ;
Путь чистой славы ровенъ и широкъ;
Его любовь народа сторожитъ;
И надо быть отважнымъ, даже дерзкимъ
Чтобъ этотъ путь разрыть непроходимо.
Люблю вашъ домъ, къ нему душей привязанъ,
Но немогу въ себѣ несогласиться,
Что все одно: Димитрій, Михаилъ;
Оклады тѣже, таже милость....

Екатерина.

Фидлеръ!
Князь при себѣ врача терпѣть не можетъ,
За тѣмъ, что въ немъ онъ неимѣетъ нужды;
А мы тебя въ дому, какъ сына, держимъ
И милуемъ и жалуемъ, какъ сына!...
Какія-жъ средства, говори!

Фидлеръ.

Княгиня,
Единственный остался путь къ Престолу....

Екатерина.

Какой-же это путь? —

Фидлеръ.

Вѣдъ послѣ пира
Пріятно спать, заставьте спать по крѣпче...

Екатерина. (съ ужасомъ отступивъ)

О, ни за что! — Я и сама могла-бъ
Ужасный путь найти въ моемъ умѣ! —
До сей поры рука Екатерины
Единственно добро творить умѣла;
До сей поры молитвы Христіанъ
И обо мнѣ напоминали Богу;
И я чиста передъ людьми и Небомъ!
Я на рукахъ его носила, Фидлеръ!
О, сколько разъ, у матери его
Я отнимала рѣзваго ребенка
И тѣшилась, какъ собственнымъ рожденьемъ;
О, сколько разъ, прекрасное дитя,
Лобзалъ меня сыновнимъ поцѣлуемъ!...
И я — его убійца!!.. Невозможно! —

Фидлеръ.

И выросло прекрасное дитя,
И доростетъ еще до Царской Шапки,
И, вмѣсто рѣзвости и поцѣлуевъ,
Суровый рабства чинъ на васъ возложитъ.

Екатерина.

Онъ добръ и благороденъ. Не забудетъ
Почтенія къ роднымъ и не захочетъ
Сѣсть на Престолъ, принадлежащій дядѣ...

Фидлеръ.

Незнаю, что сильнѣе: честолюбье
Иль дѣтская привязанность къ роднымъ?
Не долго ждать. Онъ сядетъ на Престолѣ;
Тогда уже не свергнете его.

Уменъ и осторожепъ, онъ пойметъ:
Откуда вѣтръ опасный вѣять можетъ? —
И первыхъ — Васъ съ Димитріемъ схоронитъ
Тѣмъ самымъ средвомъ....

Екатерина.

Тише, тише, Фидлеръ!
Подслушать могутъ... Ахъ на что рѣшиться?
Какимъ путемъ?.. Ужели острый ножъ
Въ рукѣ убійцы....

Фидлеръ.

Это слишкомъ дерзко!
Есть средство незамѣтное — отрава...

Екатерина.

Но какъ достать?

Фидлеръ.

Княгиня, я достану.
Но если на Престолъ взойдетъ Димитрій,
А вы Царицей будете, — какая
Награда мнѣ?

Екатерина.

Три добрыя села
И санъ Боярскій...

Фидлеръ.

Я готовъ, Княгиня!

Екатерина.

Нѣтъ, погоди! Неужели нѣтъ средства
Другимъ путемъ предупредить невзгоду?
Неужели? — Нѣтъ, Фидлеръ, не могу.....

Фидлеръ.

Нѣтъ въ цѣломъ мірѣ столько тайной тайны,
Какъ тайна ядовитая... рѣшайтесь!

Екатерина.

Рѣшаюсь: быть рабой, но не убійцей....

═

ВЫХОДЪ 5.

ТѢ-ЖЕ и ЯША.

Яша.

Возрадуйтесь о Милости Господней!
Миръ дому Вашему и миръ усопшимъ,
Зане и мы уснемъ на ложѣ смерти!

Екатерина.

А это Яша, божій человѣкъ. —
Здорово, Яша!

Яша.

Здравствуй, Катерина,
Пока Господь даетъ тебѣ здоровье
И веселись, пока съ тобой веселье!
Но придетъ день, его же знаетъ Небо,
И... Горе намъ!.. Восплачется весь міръ
И сердце наше Богу обнажится

Екатерина. (про себя)

Вѣщунъ проклятый!... Господи, помилуй!
Слугу Творца я прокляла напрасно....

(громко)

Что, Яша, ты здоровъ-ли и спокоенъ?

Яша.

По прежнему! — Сегодня Царь утѣшенъ,
А завтра вся утѣшится Москва!
Я за тобой пришелъ, пойдемъ молиться,
Молиться за Царя и Михаила....

Екатерина.

Что это значитъ, Яша?

Яша.

Много значитъ!
Царь даровалъ прощенье Ляпунову,
Заступничествомъ Князя Скопина̀!

Екатерина.

Но онъ уже казненъ....

Яша.

Нѣтъ, Катерина!
Онъ только былъ на казнь приговоренъ
И ждали только Царскаго Указа...
Но Михаилъ смягчилъ Царево сердце
И Благовѣрный Царь, передъ Иконой
Спасителя, припомнилъ, что Христосъ
Велѣлъ врагамъ прощать великодушно
И милостью удобрился небесной! —
Пойдемъ молиться за Царя и Князя! —

Екатерина. (про себя)

Такъ стало предложенье Ляпунова
Тебѣ по сердцу, Князь честолюбивый ?!
Такъ нѣтъ надежды кончить миролюбно!?

Яша. (возвысивъ голосъ)

Жена, предъ тѣмъ, кто ниже, не склоняйся!
Кто выше сталъ, тому неси поклонъ!
Къ нему съ земной молитвой обращайся;
Зане онъ *здѣсь* въ санъ горній облеченъ!

Екатерина. (про себя, въ волненіи)

Уймись, уймись страстей душевныхъ буря!
О чемъ онъ говоритъ, пойми, мой разумъ!

(громко)

Что, Яша, что? —

Яша.

Вѣнецъ на Михаилѣ!....

Екатерина.

Молчи, старикъ!

Яша.

Пророчество идетъ,
Какъ солнце, по землѣ; сегодня утро
И завтра утро, утро послѣ завтра,
Такъ и слова Пророка, каждый день
Умрутъ и воскресаютъ. Есть слова,
Которыя, безъ книгъ, живутъ въ народѣ;

Сбываются великія слова:
Вѣнецъ Царей на Князь Михаилъ!

Екатерина. (подавая ему деньги)

На милостыню и — поди домой!

Яша.

Мой домъ вездѣ, вездѣ моя дорога.
Я Царь — не только мѣста и покоя,
Но Царь страстей! — И милостыни скверной
Я не приму отъ дочери заблудшей,
Зане въ сердцахъ ты подала ее. —
Нѣтъ, я пойду къ преемнику Престола!
Князь Михаилъ Васильичь — Христіанинъ
Побольше нашего съ тобой! Онъ будетъ
Царемъ благочестивымъ, кроткимъ, добрымъ!
Благодаримъ Василію за выборъ! — (хочетъ итти)

Екатерина. (схвативъ его за руку)

Постой, старикъ! Скажи мнѣ, выборъ сдѣланъ,
Объявленъ и народъ его услышалъ!...
Ну, говори!... Чтожъ ты молчишь?.. Ахъ, Яша,
Скажи скорѣй....

Яша. (пристально смотря въ ея глаза)

Святая вѣсть — съ святымъ
Пріемлется вниманьемъ, Катерина! —

Екатерина.

Ты видишь я спокойна, весела;
Я радуюсь заранѣе....

Яша.

Кто хочетъ
Другихъ ввести въ обманъ — тотъ самъ въ обманѣ!

Екатерина.

Ну, полно, Яша! Разскажи понятно,
Что Михаилъ?...

Яша. (громогласно)

Наслѣдникомъ объявленъ!

Екатерина. (съ бѣшенствомъ)

Прочь, съ глазъ долой, юродивый старикъ!!

(въ полголоса)

Ты слышалъ, Фидлеръ! Три села твои!
Спѣши: я жду тебя передъ обѣдомъ....

(быстро проходитъ мимо Яши)

Яша. (останавливая ее за руку)

А что-жъ за вѣсть? —

Екатерина.

Проклятіе!

Яша.

Взаимно. —

═

ВЫХОДЪ 6.

Фидлеръ. (одинъ)

Теперь вопросъ: къ чему я въ это дѣло
Вмѣшался такъ неосторожно?.. Нѣтъ!
Расчетъ мой вѣренъ! — Если мнѣ удастся
Помочь ей въ изведеньи Скопина,
Какъ женщина, — она заплотитъ щедро,
И капля каждая моей отравы
Пудъ золота потянетъ — на вѣсахъ
Жены честолюбивой. — Я Бояринъ!
Со мной введу товарищей моихъ...
Мой голосъ въ Царской Думѣ — первый голосъ!
Кругомъ Москвы — богатыя помѣстья,
Роскошный домъ, роскошный столъ, награды
Самъ буду брать, самъ буду раздавать!!
А если облако вражды замѣчу,
Иль умыслъ — отъ меня освободится, —
Съ богатствами свернулся и ушелъ!
Европа широка, пускай отыщутъ!
Но время улетаетъ, поспѣшимъ!
Ея горячка можетъ охладиться.....

(уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Покои Князя Скопина.

═

ВЫХОДЪ 1.

КНЯЗЬ СКОПИНЪ и ЛЯПУНОВЪ.

Князь.

Такъ! Ты прощенъ, Прокопъ Петровичь! Помни,
Что Царь къ тебѣ въ послѣдній разъ склонился. —
Я знаю, изъ любви къ моей особѣ
Ты совершилъ такое преступленье....
Я испросилъ прощенье у Царя,
Давъ въ вѣрности твоей мою поруку.

(съ улыбкой)

Теперь ты *мой*!

Ляпуновъ.

Твой, до скончанья жизни!
Сбылись мои завѣтныя желанья,
И я, смотря на Ангельскій твой образъ,
Не трепещу за Русь мою ужъ болѣ....

Князь.

Еще одинъ совѣтъ, Прокопъ Петровичь!
Въ поступкахъ и рѣчахъ будь осторожепъ;
У насъ враговъ не мало.

Ляпуновъ.

Да, не мало;
А все за Шведовъ сердятся....

Князь.

Молчи,
Дай срокъ, я все устрою.....

═

ВЫХОДЪ 2.

ТѢЖЕ, ДЕЛАГАРДИ и АДАДУРОВЪ.

Князь.

Делагарди!
Царь Государь, признательный къ заслугамъ,
Велѣлъ тебя благодарить прилично
И Царскіе послалъ къ тебѣ подарки...!
Все кончено! — Очищена вся Русь;
Вездѣ народъ Творцу молебенъ правитъ —
И — нѣтъ сомнѣнья — миновалась буря! —

Мнѣ жаль съ тобой разстаться, добрый Яковъ,
Но самъ ты знаешь, столько тысячь войска,
На жалованьи содержать — намъ трудно. —
Казна отъ безпрерывныхъ смутъ народныхъ
Въ конецъ истощена; намъ должно думать,
Какъ бережливостью ее пополнить.
И такъ, съ сердечнымъ сокрушеньемъ, Яковъ
Я долженъ объявить тебѣ желанье

*

Царя, — чтобъ ты со всѣмъ союзнымъ войскомъ
Отправился въ обратный путь. Василій
Напишетъ Королю о всѣхъ заслугахъ
Союзной рати, о тебѣ особо;
Распорядись-же, храбрый Делагарди,
Когда и какъ отбыть твоимъ дружинамъ;
И сколько денегъ нужно для тебя,
Подводъ, прислуги, лошадей, припасовъ,
Все напиши подробно и отдай мнѣ;
Я все исполню въ точности; — теперь-же
Отправимся къ Димитрію на пиръ;
Уже не рано. —

Делагарди.

Да, уже не рано!
Послѣдній пиръ, Князь Михаилъ Васильичь!
Удастся-ли опять сойтись съ тобой,
Попировать не въ золотой Палатѣ,
А въ чистомъ полѣ...

Князь.

Если мысль моя
Понравится Царю и Королю,
Я думаю, мы въ Краковѣ сойдемся,
И нашу дружбу, дружной вспомнимъ битвой.

Ляпуновъ.

Тому не быть, Князь Михаилъ Васильичь!
Довольно насъ однихъ на Поляка. —
А Шведамъ — за моремъ сидѣть спокойно,
Стругать струги для воиновъ наемныхъ;
У нихъ вѣдь сбродъ со всѣхъ предѣловъ свѣта!

Делагарди.

Князь! Я терплю обиды через силу!
Он вольный человѣк и дворянин?
Позволь нам с ним мечами расчитаться!

Князь.

Нѣт, никогда! Прости его душѣ
Любви к отечеству безмѣрный пламень!
Он заблуждается в своих поступках,
Но поводы его всегда прекрасны. —
Таких людей удерживать нам должно,
Но ими жертвовать грѣшно. — Так, Яков,
Умѣй почтить Прокопа Ляпунова,
За то, что в нем почтенія достойно;
Умѣй простить обиду без обиды....

Ляпунов.

Князь Михаил Васильичь! Эта рѣчь
Грызет меня. Мнѣ кажется, ты мыслишь,
Что я не в силах с Шведом поравняться?!.
— Швед! Я иду на смертный поединок! —

Делагарди.

Пойдем-же, Ляпунов!

Князь.

Я запрещаю!
Вы оба под моим еще началом
И я повиноваться вас заставлю!
Долой мечи! —

Ляпуновъ. (отдавая мечь)

Князъ! Вотъ мой мечь, возми!
Но не давай мнѣ съ Шведомъ повстрѣчаться,
И безъ меча сражаться можетъ Русскій!

Князь. (Делагарди)

Подай твой мечь!

Делагарди.

Князь Михаилъ Васильичь....

Князь.

Ни слова! Мечь! Мнѣ Русскій отдалъ мечь!
Тамъ ты отдать еще скорѣе долженъ!!

Делагарди.

Обида, Князь!

Князь.

Обида, Делагарди,
Что ты вождю забылъ повиноваться!
Не самъ-ли ты вождей тебѣ подвластныхъ
Такимъ же наказаньемъ наказуешь!

Делагарди.

Я никогда меча неотдавалъ
Ни даже Королю, и самъ Василій
Позволилъ мнѣ въ присутствіи Своемъ
Носить мой мечь. —

Ляпуновъ.

Шведъ, я тебя прощаю!

Делагарди. (отдавая мечь)

Князь! Вотъ мой мечь, но горе Ляпунову!..
Я отыщу его....

Ляпуновъ.

О, я не спрячусь!

Князь.

Объ этомъ послѣ пира мы разсудимъ. —

(отдавая мечи Ададурову и снимая свой)

Возми и мой; пиръ не война! — Теперь
Пойдемъ, пора. — (Ляпунову) Ты оставайся здѣсь,
Я скоро возвращусь...

Ляпуновъ.

И ты останься!
Князь не ходи на пиръ! Тамъ насъ не любятъ;
Съ тѣхъ поръ какъ ты Наслѣдникомъ объявленъ,
А я прощенъ. — Бываетъ на душѣ
Иной разъ страшно. Часто мнѣ случалось
За дѣло приниматься съ грустной думой,
И никогда неудавалось дѣло!
Иной разъ невозможное затѣешь,
А на сердцѣ легко — и все удастся...
Бываетъ такъ: самъ спросишь у себя:
Приняться-ли за дѣло или нѣтъ?
Задумаешь приняться — и сгруснется,
Задумаешь оставить — отойдетъ.
Хоть ты не я, Князь Михаилъ Васильичь,
Но, согласись, ты также человѣкъ!

Ты близокъ мнѣ по сердцу и по духу;
И у тебя вѣдь цѣльная душа;
Ты мнѣ родной и, словно за себя,
Заботливо хлопочетъ это сердце!
Нѣтъ, не иди, Князь Михаилъ Васильичь!
Чуть тронешся на пиръ, по сердцу холодъ,
И что-то воетъ грустно вдалекѣ
И что-то страшное пискливо стонетъ,
И въ свѣтлый день нахмурясь смотритъ небо!

Князь.

Ты, братъ, встревоженъ думой поединка,
И чудится тебѣ и страхъ и ужасъ. —

Ляпуновъ.

Ты не видалъ меня на чистомъ полѣ?
Среди мечей, людской обрызганъ кровью,
Недвижно я стоялъ въ толпѣ враговъ,
Щепалъ щиты на щепки; мракъ сраженья —
Я освѣщалъ себѣ мечемъ булатнымъ
И кровь лилась, какъ свадебное пиво!
Ты не видалъ меня на чистомъ полѣ!
И никогда, быть можетъ, не увидишь! —
— Князь Михаилъ Васильичь, будетъ время,
Пойдутъ пиры разгульные; ты самъ
Намъ Царскія пошлешь съ привѣтомъ блюда;
Но хлѣбъ, отправленный недоброходствомъ,
Невкусенъ, Князь! —

Князь.

Ребячишся, Прокопъ!

Ляпуновъ.

Ты называлъ меня когда-то другомъ?
Ты обѣщалъ мнѣ Польшу воевать?
Рука съ рукой итти хотѣли въ Краковъ,
Быть неразлучными всегда?.. Не такъ-ли?

Князь.

Такъ!

Ляпуновъ (рѣшительно)

Я иду съ тобой на пиръ! —

Князь.

Нельзя!
Ты нѐзванъ...

Ляпуновъ.

Про опальнаго забыли,
А въ милости и Царскій шутъ пріятенъ.

Князь.

Нельзя! Ты такъ горячь, Прокопъ Петровичь!
Я приказалъ тебѣ, въ моихъ палатахъ,
Спокойно моего ждать возвращенья. —
Прости, мой другъ!

Ляпуновъ (обнявъ его)

Прости, мой милый Князь,
Моей Руси роскошная надежда,
Прости Архистратигъ Святаго Царства;

Да сохранитъ тебя Отецъ небесный
Молитвами Прокопа Ляпунова. —

Делагарди.

Князь, намъ пора....

Князь.

Пора, Прокопъ Петровичь!

Ляпуновъ.

Нехочется мнѣ выпустить тебя
Изъ пламенныхъ объятій Ляпунова!
Въ нихъ только безопасно для тебя;
А этотъ Шведъ, наемный другъ....

Князь. (освобождаясь изъ его объятій)

Довольно!
Ты снова горячишся!.. До свиданья! —

Ляпуновъ. (грустно)

Прости!

═

ВЫХОДЪ 3.

Ляпуновъ. (отирая слезу)

И Ляпуновъ умѣетъ плакать!
О, еслибъ сердце вѣщее ошиблось!.... —

...

Когда плыветъ, по небу голубому,
На черныхъ крыльяхъ, лѣтняя гроза;
Далекій громъ торжественно катится
И память вѣчную глаголетъ міру; —
Не все-ли, что живетъ, предслышитъ бурю,
Заблаговременно спѣшитъ укрыться....
А человѣкъ? — Святой грозѣ смѣется!
„Успѣю!" говоритъ онъ горделиво... —
И гдѣ-же человѣкъ? — Успѣлъ — погибнуть!!

═

ВЫХОДЪ 4.

ЛЯПУНОВЪ и ЯША.

Яша.

На Господа святое упованье! —
На разумъ — мысль! — На тѣло — тяжкій трудъ!
Но чары, колдовство и волхвованье, —
У двери Ада, — Землю стерегутъ.....

Ляпуновъ.

А это Яша! Ты куда идешь?

Яша.

Я не нашелъ; и онъ меня не найдетъ! —

Ляпуновъ.

Князь Михаилъ? — Пошелъ на пиръ....

Яша.

На смерть!

Ляпуновъ.

Что, Яша, что?

Яша.

Сбывается Писанье!
И близокъ часъ, — возплачется Москва,
И дьяволу удастся волхвованье:
Падетъ полу-вѣнчанная глава!

Ляпуновъ.

Силы небесныя!

Яша.

Не съ нами служатъ!
Онѣ молчатъ....

Ляпуновъ.

За чѣмъ-же ты молчишь?

Яша.

Я зрѣлъ грозу; она плыла отъ Юга —
И громъ несла на Князя Скопина! —
Не знаю, что̀ Господь на Небѣ судитъ:
Пройдетъ-ли, нѣтъ, смертельная гроза;
Но вѣдаю: едва сомкнешь глаза —
И похоронный звонъ тебя разбудитъ!

Ляпуновъ.

Но кто умретъ?

Яша.

Умретъ Руси Ходатай,
Нечестія исполнится земля,
Густымъ волчцемъ покроются поля,
И станетъ плугъ, *зане* погибъ Оратай!

Ляпуновъ.

Неужели Князь Михаилъ....

Яша (громогласно)

Погибнетъ!

Ляпуновъ. (въ ужасѣ)

Погибнетъ?! Нѣтъ, еще есть время! —

=

ВЫХОДЪ 5.

Яша. (одинъ)

Время
Не съ нами-ли живетъ и умираетъ?
О Господи! Дай крылья Ляпунову!
Творецъ, останови святое око!
Нѣтъ, ты склоняешься златое солнце,!...
И мнѣ пора итти на колокольню,
Ударить въ колоколъ соборный... Страшно!
Что, если православныхъ Христіанъ

Не позову къ вечернѣ ежедневной,
А вѣсть подамъ о смерти Михаила?.. —
О Ляпуновъ! Съ тобой Крестная Сила!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО АКТА.

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ВЪ МОСКВѢ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Небольшая комната въ домѣ Князя Димитрія.

=

ВЫХОДЪ 1.

Екатерина (одна; нѣсколько чашъ стоитъ на золотомъ подносѣ; главная или большая чаша съ крышкой впереди; въ рукахъ баночка)

Здѣсь жизнь, здѣсь жизни радость и веселье,
Душа бесѣды, остроумныхъ шутокъ; —
Здѣсь смерть, здѣсь сила молніи и грома!! —
Какъ смерть и жизнь граничатъ безпрерывно...
Дать смерть легко! Дать жизнь — мы не умѣемъ;
За что-же отнимать ее хотимъ?!..
Вино готово! Ахъ, за чье здоровье
Ты выпьешь, Князь, отравленную чашу?
Рука дрожитъ! Впустить-ли это пламя
Въ твое вино, Князь Михаилъ Васильичъ?

Князь, бѣдный Князь! Довольными очами,
Въ очахъ друзей читаешь доброходство!

Все радостью бушуетъ непритворной;
Ты думаешь, что нѣтъ на свѣтѣ сердца,
Которое тебя любить не можетъ?..
И ты спокоенъ, веселъ и беспеченъ!..
А эта чаша?.. Веселись, несчастный!...
Не только въ Океанѣ и крови
Честолюбивый тонетъ человѣкъ;
Я утоплю тебя въ ничтожной каплѣ! —
О Боже мой! И это Катерина!!
Меня отецъ, неистовый Малюта, —
Что кровь людей, какъ воду, жадно пилъ, —
За доброту, за кротость не любилъ! —
И это я, къ кому Москва, съ молитвой,
Всѣхъ нищихъ и увѣчныхъ посылала
И я сама имъ раны обмывала?!..
И это та простая Катерина,
Что стараго Василія свирѣпость
Совѣтомъ добродушнымъ умягчала
И вся Москва ее благословляла! —
Нѣтъ, низачто! Проклятіе людей,
Какъ чары, умерщвляетъ человѣка!
И мнѣ-ли совѣсть бросить на позоръ,
Склонить главу на плаху, подъ топоръ?
Всему есть казнь и нѣтъ предъ Богомъ тайны!...
Живи, мой Князь!....

. . .

А Царская Порфира,
А злой толпы коварныя насмѣшки?!...
И рабствовать передъ женой ребенка,
Котораго я на рукахъ носила!..
По прихоти завистливыхъ Бояръ,
По волѣ легковѣрной, глупой черни
Отдать ему, что намъ дано отъ Бога?!..

(откупоривая стклянку)

Нѣтъ, бѣдный Князь! Мнѣ жаль тебя, несчастный,
Но эта смерть — необходимость, нужда!....

(держа стклянку надъ большой чашей)

Свершается ужасное дѣянье!
Я смерть, какъ пряжу, дѣлаю руками...
Могильный сонъ, какъ паръ, надъ этой чашей!..
Мнѣ чудится: огромный гробъ стоитъ,
Я отпѣваю и, рукой желѣзной,
Держу, чтобъ не возсталъ мертвецъ ужасный!
Рука дрожитъ, а члены костенѣютъ;
Колеблется завистливая воля;
Моя душа, какъ дикое кладбище,
Полна и мертвецовъ и привидѣній!
Гдѣ я, скажите, ради Бога, гдѣ я?..
Что дѣлаю?...

=

ВЫХОДЪ 2.

ЕКАТЕРИНА и ДИМИТРІЙ.

Димитрій.

Жена! Подай вина!...

Екатерина. (поспѣшно опрокинувъ стклянку надъ чашей и еще поспѣшнѣе спрятавъ ее)

Ахъ, совершилось!

Димитрій.

Что съ тобой, жена!
Дрожишь, какъ листъ?..

Екатерина. (съ принужденной улыбкой)

Стыжусь гостямъ казаться!
Все молодые, много иностранцевъ...

Димитрій.

Надень фату! — Неси скорѣй вино;
Всѣ ждутъ; а гость нашъ дорогой — давно
Изволилъ о тебѣ освѣдомляться;
Онъ жалуетъ тебя, какъ мать родную.

Екатерина.

Ахъ, Господи!

Димитрій.

Да не стыдись, жена;
Вѣдь этотъ намъ родной; бери-же чашу....

Екатерина.

Родной! Ахъ, Господи!!..

Димитрій.

Жена, не мѣшкай!
Нехорошо! Князь Михаилъ Васильичь

Меня осыпалъ ласками своими
И говорилъ, что если, Божьей властью,
На свой Пресшолъ взойдешъ, то незабудетъ
Моей любви къ нему и уваженья!...
Ну, я пойду, пошлю тебѣ слугу,
Чтобъ эти чаши несъ, а ты не мѣшкай!..

=

ВЫХОДЪ 3.

Екатерина. (одна, схвативъ большую чашу)

Забудетъ, слабоумный! Я ручаюсь!
Отецъ! Теперь ты выйди изъ могилы
И помоги злодѣйству Катерины!!..

(уходитъ съ чашей, слуга приходитъ и взявъ подносъ съ прочими чашами, уноситъ его въ слѣдъ за Екатериной) —

=

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Столовая въ домѣ Димитрія.

ВЫХОДЪ 1.

Князь Скопинъ, Делагарди, Валуевъ, Ададуровъ, Головинъ, многіе Русскіе Бояре и Воеводы и иностранные Генералы и Офицеры, сидятъ за богатымъ столомъ, на коемъ множество блюдъ и украшеній.

Князь.

Я вѣрю, Генералъ, что вашъ Францискъ
Былъ славный воинъ; только — похвалишь

*

Его нельзя за вѣтренность... Король
Попался въ плѣнъ! Неслыханное дѣло!
Когда уже въ расчетѣ обманулся
И войско потерялъ неосторожно;
По крайней мѣрѣ не сдавайся самъ!
Есть обстоятельства, въ которыхъ можно
И полководцу съ честью умереть!
Но сдаться въ плѣнъ вождю и Королю!!...
Какъ хочешь, а мнѣ стыдно за Франциска....

Французскій Генералъ.

Онъ думалъ о спасеніи отчизны....

Князь.

Тѣмъ болѣе сдаваться въ плѣнъ нельзя!
Онъ зналъ, что можно съ силами собраться,
Возстать войною свѣжей и загладить
Потери прежнія. — Но что-же плѣномъ
Францискъ успѣлъ для Государства сдѣлать?
Онъ подписалъ условія такія,
Какихъ бы я не подписалъ на плахѣ.
Признайся другъ! Хвастливъ народъ Французскій;
По *вѣтренности* сдѣлаетъ *ошибку*,
По *гордости* зоветъ ее *расчетомъ*!

═

ВЫХОДЪ 2.

ТѢ-ЖЕ и Кн. ДИМИТРІЙ.

Димитрій (садясь на свое мѣсто)

Князь, извини! За дѣломъ отлучался.
Объ чемъ у васъ тутъ шумный разговоръ? —

Ададуровъ.

О храбрости сомнительной Французовъ!

Димитрій

Да что они?! Мы помнимъ Маржерета:
Что ступитъ, то солжетъ; хвастливый нехристь
Разъ тридцать измѣнялъ; какъ жидъ поганый,
О жалованьи вѣчно торговался...

Ададуровъ.

Позволь сказать; (Почтенной Делагарди,
Вамъ не въ обиду, вы отъ Короля)
А такъ, примѣромъ, о другихъ народахъ....
Я не люблю наемниковъ; мнѣ стыдно
Смотрѣть въ глаза корыстолюбцевъ подлыхъ, —
Какъ на примѣръ и Маржеретъ и много
Другихъ еще храбрѣйшихъ иностранцевъ, —
Что храбростью торгуютъ, какъ товаромъ.
Ты ихъ наймешь, они съ тобой пойдутъ;
Найметъ ихъ врагъ, они и съ нимъ готовы:
Имъ дѣла нѣтъ, за что идутъ сражаться,
Кто правъ, кто виноватъ? Хотя разбойникъ,
Да плотитъ деньги, имъ уже довольно. —
Люблю я нашихъ въ этомъ отношеньи:
Ужъ Русскаго не смѣните добычей!
По совѣсти, — пойдетъ онъ противъ моря,
Одинъ противу тысячи мечей;
А противъ совѣсти, — за Божье солнце,
За всѣ сокровища Востока, — Русскій
Своей души неправдѣ не продастъ!

═

ВЫХОДЪ 3.

ТѢ-ЖЕ и ЕКАТЕРИНА (съ чашей; за ней слуга съ подносомъ)

Димитрій.

Вотъ и вино, Князь Михаилъ Васильичь!

Князь. (вставъ съ мѣста, всѣ не много приподнимаются).

Екатерина! Боже, сколько лѣтъ
И сколько зимъ мы невидались съ нею!!..
Здорова-ли Княгиня?

Екатерина.

Слава Богу!
Отвѣдай, Князь, во здравіе вина...

Князь.

Благодарю за честь! Изъ полной чаши
Я выпью только радость и веселье!
Позволь, Княгиня! Чаша тяжела!

(взявъ отъ нея чашу, ставитъ на столъ)

Ты помнишь-ли меня, Екатерина,
Ребенкомъ у тебя въ свѣтлицѣ?..

Екатерина.

Помню.

Князь.

Когда отецъ мой кончилъ славный путь
И сиротой остался я на свѣтѣ,

Не ты-ли нѣжной, материнской лаской
Искоренять мое старалась горе?
Благодарю, еще благодарю
И за твое здоровье выпью чашу! —

Екатерина. (смущенная)

Нѣтъ, Князь, не пей!... (про себя) Спасите, Силы
Неба!
Не вырвать-ли изъ рукъ его отравы?!

Князь.

И почему-жъ мнѣ за тебя не пить?

Екатерина.

Ахъ, Господи! Нечистое вино;
Въ немъ что-то мутно....

Князь.

Полно, Катерина!
Въ немъ такъ свѣтло, какъ у меня на сердцѣ.
Позволь же пить твое здоровье

Екатерина.

Нѣтъ!
Не за меня, не за меня!

Князь.

Димитрій
Ивановичъ! Такъ за чіежъ здоровье!

Димитрій.

За здравіе Царя и Государя!

РУСКІЕ БОЯРЕ и ВОЕВОДЫ.

А мы и за Преемника прибавимъ.

Екатерина.

Пей, Князь, во здравіе! (про себя) Пей, чашу смерти!

Князь. (поднявъ чашу вверхъ)

За здравіе Царя и Государя,
Его Супруги благовѣрной! Дяди
Димитрія Иванича съ Супругой!

РУССКІЕ	ИНОСТРАНЦЫ
Ура!	Vivat! —

Князь.

Да здравствуетъ Святая наша Русь!
Миръ падшимъ на кровавомъ полѣ брани!
Забвеніе семейственнымъ раздорамъ!
Покой, богатство, милость Государству!
Удача на враговъ Святаго Царства!
А пиру нашему — разгулъ и радость!!...

(пьетъ не много и, поставивъ чашу на столъ, садится)

РУССКІЕ	ИНОСТРАНЦЫ
Ура!	Vivat!

Делагарди.

А я, отпивъ за дравіе Царя
И всѣхъ, кого Князь Михаилъ Васильичь

Провозгласилъ, — берусь опять за чашу, —
И именемъ священнымъ Короля
И благородной Швеціи, — пью снова
За здравье побѣдителя Поляковъ, —
Спасителя отчизны, Скопина!! (пьетъ)

РУССКІЕ	ИНОСТРАНЦЫ
Ура!	Vivat!

Князь. (взявъ чашу и подымаясь)

Благодарю, друзья, благодарю!

(пьетъ)

Ахъ, Боже мой! Въ глазахъ позеленѣло!
Какъ закружилась голова.....

Ададуровъ.

Всесильный!
Ты побледнѣлъ!

Князь. (поставивъ чашу и садясь)

Я не могу допить!
Нѣтъ, на вино плохой я воевода! —

Делагарди.

Князь! Что съ тобой?

Князь.

Хотѣлъ я осушить
Всю чашу вдругъ, не допилъ половины;
Туманъ въ глазахъ и шумно въ головѣ.
Мнѣ дурно...

Димитрій.

Князь!..

Князь. (забываясь)

Прости Екатерина,
Простите, братья!.. (вскочивъ и выбѣгая на пред-сцену)
Гдѣ мой Царскій мечь?
Гдѣ Шапка Мономаха?.. Повинуйтесь!!..

(всѣ, оставивъ мѣста, бѣгутъ и окружаютъ его)

Екатерина. (схвативъ чашу и спрятавъ ее подъ фату)

Здѣсь Царскій мечь, здѣсь Царская Порфира!..

Димитрій.

Что это значитъ? Былъ здоровъ и веселъ
И вдругъ....

Князь.

Молчи! Ты слышишь! Змѣй ползетъ!

Екатерина. (приближаясь къ дверямъ)

Сбылись слова: Вѣнецъ на Михаилѣ...

Князь. (схвативъ себя за голову)

Га! Все въ огнѣ! Горитъ земля и небо;
Ахъ, голова! На этой головѣ
Побѣдъ, торжествъ несметное число —
И все — горитъ огнемъ неугасимымъ!! —

Димитрій.

Жена, воды! Авось поможемъ Князю!

Екатерина. (тихо)

Ахъ! Какъ сокрыть отравленную чашу!

Князь. (падая къ ногамъ ся)

Екатерина, сжалься надо мной!
Дай мнѣ воды, дай льду! У ногъ твоихъ,
Прошу, молю! Врачуй меня, врачуй!...

Екатерина. (въ замѣшательствѣ отъ него отступая)

Князь, не могу! Я и сама въ огнѣ!
Князь, отойди! О дальше, дальше, дальше!...

Димитрій.

Все для меня темно, непостижимо!

═

ВЫХОДЪ 4.

ТѢ-ЖЕ и ЛЯПУНОВЪ.

Ляпуновъ. (толкая слугу)

Прочь, злой холопъ, я Царскій Воевода!
Гдѣ Михаилъ? Не вижу! Воеводы,
Гдѣ Михаилъ?

Князь. (подымаясь на полу, гробовымъ голосомъ)

Я здѣсь! Мнѣ стало легче!...

Ляпуновъ. (отчаянно)

Убитъ! Отравленъ!!... Господи помилуй!
За что, за что? — Пусть смерть твоя падетъ
На гордецовъ, измѣнниковъ, злодѣевъ; —
Но на него! — Нѣтъ, ты немилосердъ,
Когда даешь такимъ злодѣйствамъ волю!!

Кзязь.

Духовника! Похороните смирно!
Безъ пышности, какъ воина простаго!
Какъ сердце съѣла смерть! Духовника!

Ляпуновъ.

Нѣтъ, добрый Князь! Я выхвачу тебя
У злобной смерти, я спасу тебя!
Пусть судитъ Богъ за тайныя дѣянья,
А я спасу тебя на зло злодѣйству! —

(поднимаетъ Князя на руки и уноситъ)

═

ВЫХОДЪ 5.

ТѢ-ЖЕ, кромѣ КНЯЗЯ и ЛЯПУНОВА.

Димитрій.

Ну, растолкуй, жена, что это значитъ?

Делагарди.

Князь никогда вина въ походѣ не пилъ!

Димитрій.

Вотъ что! Такъ стало и недугъ пройдетъ,
Коль скоро Князь поотдохнетъ маленько.

═

ВЫХОДЪ 6.

ТѢ-ЖЕ и ЯША.

Яша.

Пройдетъ недугъ, но не пройдетъ злодѣйство!

Димитрій.

Ты какъ попалъ сюда?

Яша.

Пришелъ спросить:
Звонить-ли на вечерню, или вѣсть
Пустить въ народъ о смерти Михаила!

Делагарди.

Повремени! Поспѣшностью такою
Ты всю Москву смутишь....

Яша.

Смущу Убійцу!
И васъ смущу, завистливое племя!

Вы закопали зависть глубоко!
Хоть поле лжи темно и широко,
Но васъ найдетъ и тамъ крутое время.

Делагарди.

Безумецъ!

Яша.

Чужеземцы, уходите!
Господь возсталъ и собираетъ Судъ!
Хоть предъ людьми вы тайну сохраните,
Но Ангелы виновнаго найдутъ!

Делагарди. (къ воеводамъ)

Безуменъ онъ?

Воеводы.

Безуменъ, Воевода!
Оставъ его, неговори!..

Яша.

Слѣпцы,
Избранники великаго народа,
На полѣ Русскомъ — подлые волчцы!
Возрадуйтесь о смерти Михаила!
Въ ночи, безъ солнца, совамъ повиднѣй!
Хоть много звѣздъ, но нѣтъ такой звѣзды,
Чтобы на мѣстѣ солнышка повѣсить!
А вамъ завистники того и надо....

=

ВЫХОДЪ 7.

ТѢ-ЖЕ и СТОЛЬНИКЪ.

Стольникъ.

Ужасный слухъ дошелъ до Государя,
Что якобы Князь Михаилъ Васильичь
На пирѣ у тебя отравленъ ядомъ!

Екатерина.

Великій Боже!

Димитрій.

Клевета какая!
Послушай, Катерина, что намъ дѣлать!
Ты вся дрожишь....

Екатерина.

Боюсь опалы Царской!
Скорѣй къ Нему спѣшите, успокойте,
Откройте, разувѣрьте, докажите!

Делагарди.

Пойдемте всѣ!

Стольникъ.

Царь на одрѣ болѣзни
И только Князя приказалъ позвать.

Екатерина.

Всѣ, всѣ до одного!! Скорѣй спѣшите!
Не то, насъ непріятели погубятъ!

Димитрій.

Пойдемъ, друзья! Не шуточное дѣло!
Но какъ наказъ нарушить?...

Екатерина.

Какъ исполнить,
Спросилъ-бы лучше! Царь васъ ждетъ, идите!

Димитрій.

Пойдемъ! Ей лучше знать!

=

ВЫХОДЪ 8.

ЕКАТЕРИНА и ЯША.

Яша. (желая итти)

И я за вами!
Вы во дворецъ, а я на колокольню!

Екатерина.

Стой, Яша, стой!

Яша.

Молись, Екатерина!
Молись одна, а я съ твоей молитвой
Моей молитвы не смѣшаю.

Екатерина.

Яша!!..

Яша.

Не отъ людей, жена, бываетъ буря;
Отъ Господа и молнія и громъ;
Уже давно мы прокляли другъ друга;
Чего-жь теперь ты хочешь отъ меня?

Екатерина.

За грѣшницу молитвы....

Яша.

И проклятья?
Я далъ его и не возьму назадъ....
Въ твоихъ рукахъ вся тайна, Катерина!

(она дѣлаетъ невольное движеніе еще болѣе спрятать чашу)

Не прячь, не прячь! Лица ты не закроешь!
Не улыбайся! На твои уста
Не ту улыбку Божій гнѣвъ положитъ;
И заблестятъ глаза зеленымъ свѣтомъ,
Что ходитъ надъ отверженной могилой!

Екатерина. (въ бѣшенствѣ поднявъ на него чашу)

Сѣдой колдунъ!

Яша.

Откуда эта чаша?

Екатерина.

Гдѣ чаша?! Ахъ! (стремительно убѣгаетъ)

=

ВЫХОДЪ 9.

Яша. (одинъ)

Теперь весь свѣтъ — пустыня!
Нѣтъ ни былинки, гдѣ-бы тайну спрятать!
Гори огнемъ, несчастная жена!
Томись горящей жаждой преступленья!
Ты аду — на землѣ обречена,
И въ адъ сойдешь въ день страшный Воскресенья!

(уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Покои Князя Скопина.

ВЫХОДЪ 1.

ЛЯПУНОВЪ несетъ Князя СКОПИНА и кладетъ на постель.

Князь.

Другъ! Ты усталъ?

Ляпуновъ.

Князь, обо мнѣ не думай!
Что, легче-ли?

Князь.

Полегче; только сердца
Не чувствую.

Ляпуновъ.

Я за врачемъ послалъ.

Князь.

Напрасно. — Отъ людей ничтожна помощь,
Когда Господь судилъ позвать раба
Въ обитель вѣчную... Съ меня довольно!
Я все узналъ въ моей коротской жизни:
И блескъ честей, и сладость чистой славы,

И дружбы упоительный привѣтъ!
Благодарю тебя, Прокопъ любезный!
Одинъ, въ часъ смерти, ты одинъ со мною,
Одинъ, въ цѣпяхъ страдавшій за меня!!..
А гдѣ-же тѣ, которыхъ въ ратномъ полѣ
Я къ сердцу звалъ и къ серцу прижималъ!...
Неблагодарные! Прости имъ, Боже! —

Ляпуновъ.

Они не знаютъ о твоей болѣзни...

Князь.

Неговори! Я на пиру ихъ видѣлъ:
Я простиралъ отравленную чашу
Къ ихъ чистымъ чашамъ, — и никто, никто
Меня слезой не встрѣтилъ сожалѣнья!

Ляпуновъ.

Но какъ имъ знать?...

Князь.

Я тоже полагаю.
Одинъ Господь въ сердца людскія смотритъ... —

Ляпуновъ.

И открываетъ ихъ людскому взору!
Оправишься, откроется убійца
И ты отмстишь за умыселъ.

Князь.

Прощаю!
А этотъ Шведъ!.. (приподымаясь) Постой, Прокопъ
Петровичь!
Вели скорѣе въ путь собраться Шведамъ.
Пока живу, пускай Москву оставятъ!
Бѣги, мой другъ.... Нѣтъ, я недоживу..!
Послѣдніе мгновенья сочтены, —

. . .

Такъ будь-же ты Хранителемъ отчизны!
Я отъ тебя и мертвый неотстану,
И всякій шагъ записанъ будетъ въ книгу,
И ты сомной въ могилѣ разочтешься!
Любить безъ бѣшенства, казнить безъ злости!
Люби Святую Русь, какъ любятъ матерь.
Казни враговъ, какъ ты казнилъ-бы сына.
Всегда, вездѣ разсудку повинуйся,
А сердцу не давай безумной воли!
Меня, Прокопъ, ты можешь позабыть,
Но незабудь Царя, Руси и Церкви!
Прости, мой другъ!

Ляпуновъ.

Князь Михаилъ Васильичь,
Тебя забыть?!

Князь.

Забвенье наша слабость;
Есть мѣсто, другъ, гдѣ память освѣжится.

Ляпуновъ.

Живутъ-же люди вѣкъ чужой! Ему
И *своего* дожить не позволяютъ! —
Ты неумрешь, Князь Михаилъ Васильичь!
И свой законъ Богъ можетъ измѣнить;
Вѣдь онъ Всесиленъ!..

Князь.

Да, но Богъ — Премудръ!
Что *разъ* положитъ, то положитъ вѣрно! —
Но, добрый другъ, приподними подушку!
Вотъ такъ! Ахъ, какъ привольно и легко!
Приди ко мнѣ и поцѣлуй меня! (умираетъ)

Ляпуновъ. (поцѣловавъ его)

Что?.. Ты заснулъ?.. Князь?.. Ты заснулъ?..
Молчитъ.
Не умеръ-ли?.. Гдѣ этотъ врачь проклятый!...
Позеленѣлъ! (стараясь его разбудить) Князь, ради Бога,
Князь!

(Въ ужасѣ бѣжитъ къ окну)

Онъ умеръ! Помогите! Умеръ! Умеръ!

(отворивъ окно)

Два солнца наши дружно закатились!
Но есть заря на пламенномъ Закатѣ,
И ты взойдешь заутра въ новомъ блескѣ!
А это солнце! Нѣтъ ему Востока,
Нѣтъ для него земли, лучей и неба!
Онъ умеръ! Помогите!... Пусто, дико!

Какъ будто свѣту до него нѣтъ дѣла;
Какъ будто онъ не тотъ Герой Великій,
Что сѣялъ смерть, чтобы пожать безсмертье!

(обнявъ его трупъ)

Я весь въ жару; онъ холоденъ, какъ ледъ.
Князь, я тебя душой моей согрѣю.
Нѣтъ! Смерть еще безчувственнѣй убійцы;
Злодѣй еще къ разскаянью способенъ,
А эта и разскаяться не можетъ! —

═

ВЫХОДЪ 2.

ТѢ-ЖЕ и ФИДЛЕРЪ.

Ляпуновъ. (увидавъ его)

Ага! Ты здѣсь! Спасай его, спасай!
Гдѣ ваши чары, ваши волхвованья?
Что можно оживить? Не бьется-ль сердце..
Прислушайся, я ничего не слышу.

Фидлеръ. (взявъ руку Князя)

Онъ умеръ!

Ляпуновъ.

Знаю, окаянный, знаю;
Да развѣ мертвыхъ воскрешать нельзя?

Фидлеръ.

Я немогу.

Ляпуновъ.

Такъ что-же можешь ты?
Здороваго лечить и я умѣю,
А ты — умѣешь только убивать!

Фидлеръ.

Кто вамъ сказаль? Онъ умеръ отъ прилива
Излишней крови....

Ляпуновъ (схвативъ его за руку)

Отъ прилива крови?
А эта зелень на лицѣ? — Смотри!
Не ясно-ли, что онъ отравленъ ядомъ?

Фидлеръ. (въ смущеніи)

Да!.. Ядомъ!.. Нѣтъ... онъ умеръ...

Ляпуновъ.

Ты трепещешь!
Не ужели самъ Богъ мнѣ дозволяетъ
Взглянуть въ твою діавольскую душу!.

(на улицѣ слышенъ глухой шумъ, Ляпуновъ бросается къ окну)

Проснулись?!.. Поздно!

Народъ (за сценой)

Подавай Убiйцу!

(Фидлеръ дѣлаетъ невольное движенiе уйти)

Ляпуновъ.

Куда? Ни съ мѣста! Фидлеръ, признавайся!
Мнѣ нечего тебя жалѣть...

Народъ.

Убiйцу,
Убiйцу подавайте, душегубца! —

Ляпуновъ.

Ты слышишь, какъ зоветъ тебя народъ?

Фидлеръ. (въ ужасѣ)

Меня? Помилуй! Въ чемъ-же я виновенъ!

Ляпуновъ.

Открой мнѣ все! Ты другъ Екатеринѣ;
Въ ея дому злодѣйство совершилось....
Ты онѣмѣлъ? Я говорить заставлю...

(вынимаетъ ножъ)

Фидлеръ. (падая ему въ ноги)

Спаси меня! Я все тебѣ открою...

Ляпуновъ.

Спасти тебя, безчестный! — Говори!
Кто Князя отравилъ?.

Фидлеръ. (наколѣнахъ, дрожащимъ голосомъ)

Екатерина!

Ляпуновъ.

Ага! — А слово клятвой подтвердишь? —

Фидлеръ.

Клянусь Святымъ Петромъ!

Ляпуновъ.

Кто изъ Бояръ
Съ ней въ заговорѣ былъ?

Фидлеръ.

Никто.

Ляпуновъ.

Никто?
А приготовилъ ядъ?

Фидлеръ.

Она сама!

Ляпуновъ.

Сама! — За чѣмъ-же ты весь побагровѣлъ?
Ты зналъ о заговорѣ безъ участья!
Да! Ты убійства равнодушный зритель!

Народъ.

Давайте намъ убійцу!

Ляпуновъ (подинмая ножъ)

Признавайся!
Ты ядъ принесъ!

Фидлеръ. (обвиваясь вокругъ ногъ его)

Я! — Но прости меня;
Она меня принудила

Народъ.

Убійцу!

Ляпуновъ (таща за руку Фидлера)

Кто могъ тебя Еретика принудить!!
О Михаилъ! Есть для меня отрада,
Есть бѣдное, пустое утѣшенье!
Я раздавить могу твою змѣю,
Я по кускамъ могу терзать злодѣя,
Живаго закопать въ могилу... Небо!
Наставь меня — быть безконечно лютымъ!

Фидлеръ.

Прости меня, прости, Прокопъ Петровичь!

Ляпуновъ.

Тебя простить?! — И твой языкъ лукавый
Смѣлъ о прощеньи говорить?!

Народъ.

Убійцу!

Ляпуновъ. (поднимая его наноги)

Тебя отдать? — Отдамъ полуживаго;
Сквозь истязанья ада проведу!
Сначала разниму тебя по членамъ
И по кускамъ — толпѣ разсвирѣпѣвшей,
Какъ псамъ голоднымъ, въ пищу разбросаю....
Плачь, нехристь, плачь!

Народъ.

Давайте душегубца!!

Ляпуновъ. (бѣшено)

Разстаться-ль мнѣ съ моей проклятой жертвой,
Отдать-ли мнѣ сокровище, мой кладъ,
Мою находку дорогую?!!

(поднявъ Фидлера на руки)

Люди! (несетъ его къ окну)

Фидлеръ. (произительнымъ голосомъ)

Помилуй, Ляпуновъ!

Ляпуновъ. (выбрасывая его въ окно)

Вотъ вамъ убiйца!
Ловите, Христiане!

Народъ.

Любо! Любо!

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО АКТА.

АКТЪ ПЯТЫЙ.

ВЪ МОСКВѢ.

ЯВЛЕНІЕ.

Спальная Князя Димитрія. Налѣво отъ зрителей кровать съ цвѣтными занавѣсками; онѣ отдернуты; постель не тронута, въ порядкѣ; за кроватью видѣнъ свѣтъ отъ иконныхъ лампадъ, закрытыхъ покровомъ; впереди два стола; на правомъ — закрытая чаша; на лѣвомъ — тускло горящій свѣтильникъ; глубокая ночь; слышенъ заунывный звонъ погребальныхъ колоколовъ.

=

ВЫХОДЪ 1.

Екатерина. (одна, полураздѣтая, облокотясь головой на столъ — Продолжительное молчаніе.)

Ужъ ночь! За ней другая ночь пройдетъ,...
Тамъ третія, тамъ вѣчность, тамъ Господь
Велитъ судить преступницу... Всесильный!
Неужели и Ты безъ милосердья?
Скажи мнѣ: сомнѣваться или вѣрить?
Не сомнѣваться въ строгости Господней
И вѣрить гнѣву Твоему... О Боже!...

Страдать, страдать, не тяжкою болѣзнью,
Тѣлесныхъ силъ недужнымъ разслабленьемъ!

Нѣтъ, цѣльною душой, въ здоровомъ тѣлѣ
Страдать — и не видать конца страданьямъ...
Вотъ участь горькая Екатерины!

подпимается, отъ ея движенія свѣтильникъ гаснетъ)

Неугасай лампада, ради Неба!....
Нѣтъ! Видно Богъ отвергъ Екатерину!...
Темно и страшно! (беретъ лампаду и медленно приближается къ иконамъ)
Тамъ стоятъ Иконы,
Тамъ свѣтъ горитъ.... Увы! Не для меня!!..
Угодники Святые, сколько разъ
Предъ вами простиралась я съ молитвой, —
И всякій разъ, съ сердечнымъ утѣшеньемъ,
Я оставляла тихую бесѣду
Съ Спасителемъ!... Увы! Теперь не то!...
Господь отвергъ преступницу, отвергъ!!
И ночь послалъ, и отнялъ свѣтъ послѣдній!!...

(подходитъ къ иконамъ; не смотря на нихъ, отдергиваетъ покровъ и прикладываетъ свою лампу къ передиконнымъ)

Зажгись, моя лампада; освѣти
Печальный теремъ трепетной надеждой!
Въ могильный мракъ небесный лучь заходитъ;....
Но въ душу черную жены преступной......

(увидавъ, что свѣтильникъ не занялся)

Ахъ Господи!.. (хочетъ зажечь его, поднявъ глаза на Иконы и отбѣгая отъ нихъ съ ужасомъ)
Глядятъ! Они глядятъ!
Спасите! Силы Неба!... Страшнымъ взоромъ
И состраданія и укоризны

Они глядятъ; Они видали все!
И Господу мой тайный грѣхъ раскажутъ!

(падаетъ безъ чувствъ)

═

ВЫХОДЪ 2.

ЕКАТЕРИНА и АНАСТАСЬЯ.

Анастасья. (съ свѣтильникомъ)

Что, дитятко, что по ночи кричишь?
Не домовой-ли? Господи помилуй!
Оставила въ постелькѣ, а она
Лежитъ безъ чувства на полу!...

Екатерина. (приподымаясь и всматриваясь въ няню)

Ты—или тѣнь твоя?.. Свѣтъ!.. О, какъ больно!..

Анастасья.

Вотъ что! Такъ ты больна?...

Екатерина. (вставъ, съ ея помощію.)

Да, няня, да!..

Анастасья.

Жаль, уходили Фидлера — злодѣя,
А то-бы онъ....

Екатерина. (уходитъ)

Какъ, развѣ онъ убитъ?..

Анастасья.

А какъ-же, мать моя? Вѣдь этотъ нехристь
Извелъ отравой Князя Михаила! —

Екатерина. (принужденно улыбаясь)

Да, это онъ, повѣрь мнѣ, няня, онъ!..

Анастасья.

Прости ему! Довольно онъ наказанъ!
Ужъ дали знать ему Еретику!
На мѣлкіе кусочки растерзали!

Екатерина. (торопливо)

А онъ молчалъ?..

Анастасья.

Куда ему молчать,
Да слушать не имѣлъ никто охоты!

Екатерина.

Однако-жъ... Да, народъ ему не вѣрилъ?..
Ахъ, няня, ты не вѣрила ему?....

Анастасья.

Я небыла. Господь ихъ знаетъ, что
Онъ имъ разсказывалъ...

Екатерина.

Неслушай, няня;
Молю тебя, не слушай! Клевета!?..

Анастасья.

Что, матушка? Ты, какъ въ горячкѣ, бредишь!
Присядь, душа, вотъ тутъ, поотдохни!
Авось пройдетъ; кабы достать водицы
Да уксусу... Ну, мать моя, присядь...

(подводитъ ее къ правому столу)

Екатерина. (въ ужасѣ отступая)

Здѣсь Царскій мечь! Здѣсь Царская Порфира!!.
Ахъ, няня, плачь! Молись и горько плачь!
Тамъ на столѣ стоитъ моя судьба!

Анастасья.

Ужъ подлинно диковинныя рѣчи! —
Присядь хоть здѣсь, коли лежать не хочешь;
Я окроплю тебя святой водою,
Прочту молитвы....

Екатерина.

Поздно, Анастасья!...
Мнѣ скучно, няня, горько, тяжело...
Одна въ такой Палатѣ... Князь Димитрій
До сей поры еще не возвращался....
Ты знаешь: Князь на пирѣ занемогъ
У насъ въ дому... Боюсь... Народъ свирѣпъ
И глупъ... Чтобъ не обидѣлъ на дорогѣ....

Анастасья.

И, мать моя! Димитрія всѣ любятъ,
Всѣ жалуютъ. — Царь и теперъ прислалъ
Для страху сотни три стрѣльцовъ Московскихъ,
Чтобъ отгоняли злаго человѣка.....
А Князь Димитрій съ нимъ совѣтъ ведетъ.....

Екатерина.

Стрѣльцы? Въ моемъ дому стрѣльцы? За чѣмъ?
Что, развѣ я преступница? Стрѣльцы!
Три сотни!.. Такъ! Подъ стражей Катерина!
Они возмутъ меня, не правда-ль, няня?...

Анастасья.

Да изъ чего-же брать тебя?

Екатерина.

Мнѣ страшно!
Уйдемъ куда нибудь.

Анастасья.

О успокойся!
Ты не здорова, матушка; прилягь,
Сосни; ужъ скоро будетъ полночь... (слышенъ глухой шумъ)

Екатерина.

Ты слышишь, няня?

Анастасья.

Слышу, мать моя!

ЕКАТЕРИНА.

Мы только двое....

АНАСТАСЬЯ.

Такъ позвать прикажешь
Еще кого нибудь. —

ЕКАТЕРИНА.

Да, позови!
Кого-жъ? Всѣ спятъ. —

АНАСТАСЬЯ.

Нѣтъ, дѣвушки не спятъ
И вышиваютъ. —

ЕКАТЕРИНА.

Позови ихъ, няня!
Пускай придутъ; я стану съ ними шить...
Вели зажечь огни... Ахъ, няня, няня,
Оставъ мнѣ свѣту; засвѣти мою
Лампаду... Нѣтъ, неуходи! Ты слышишь,
Какъ все по улицамъ шумитъ.

АНАСТАСЬЯ.

Народъ
Расходится!

ЕКАТЕРИНА.

А если сходится?

АНАСТАСЬЯ.

Ужъ за полночь! Стрѣльцы его разгонять!

Екатерина.

Иди-же няня, поскорѣй иди!
Не опоздай, мнѣ страшно, очень страшно!
Я не привыкла...

Анастасья.

Погоди маленько!
Я духомъ созову моихъ красавицъ;
Ты, матушка, присядь, поотдохни!

═

ВЫХОДЪ 3.

Екатерина. (одна)

Вотъ адъ! Онъ здѣсь! Не за предѣломъ гроба!
Онъ въ сердцѣ глубоко! Здѣсь адскій пламень,
Которымъ угрожаетъ намъ Писанье!!
Здѣсь тма кромѣшная!... О чаша, чаша!
Не ты-ль моя могила? — Въ полумракѣ,
Какъ памятникъ надгробный, ты стоишь!
Увы! Безсиленъ голосъ покаянья!
Злодѣйство насъ отъ Неба отдаляетъ;
Невинность думаетъ о страшномъ адѣ,
Но съ состраданіемъ къ чужимъ мученьямъ;
А грѣшница объ Небѣ помышляетъ,
Но безъ надежды, безъ успокоеня!
И смерть ея торжественно страшна!
Душа ея въ огонь облечена
И, сожигая тѣло, улетаетъ,
Чтобы самой горѣть неизцѣлимо
До страшнаго, послѣдняго Суда! —

(шумъ извнѣ усиливается)

Ахъ, какъ шумятъ! О няня, гдѣ ты, няня!
Ты мѣшкаешь умышленно, старуха;
Ты догадалась о моемъ грѣхѣ
И втайнѣ прокляла Екатерину!...

═

ВЫХОДЪ 4.

ЕКАТЕРИНА, АНАСТАСЬЯ и ДѢВУШКИ (съ пяльцами и огнями)

ЕКАТЕРИНА.

Нѣтъ, вотъ она! Сюда, сюда скорѣе
Бѣгите дѣвушки! Какъ всѣ печальны,
Какъ блѣдны! Нѣтъ, то не живые люди....

АНАСТАСЬЯ.

Не правда-ли, мы скоро собрались?

ЕКАТЕРИНА.

Да, скоро...

АНАСТАСЬЯ.

Гдѣ прикажешь помѣститься?

ЕКАТЕРИНА.

Ахъ, это вы, подруженьки?.. Садитесь!
Меня томитъ безсонница, хвораю,
Одной мнѣ скучно, вмѣстѣ веселѣе;
Присядемъ, красныя, шитьемъ займемся;
Авось повеселѣю....

Анастасья.

Мы потѣшимъ
Тебя голубушку. — Ну, что? Садитесь!
Уставили на Барыню глаза
И смотрятъ, какъ шельныя....

Екатерина.

Смотрятъ, смотрятъ!
Подай мнѣ душегрѣю, Анастасья! —
Озябла!..

Анастасья,

Слава Богу, ночь тепла!

Екатерина.

Да есть другой морозъ. Садитесь! Няня,
Садись и ты. (дѣвушки выдвигаютъ скамьи на середину; становятъ пяльцы; садятся; Екатерина; безъ дѣла, въ серединѣ; дѣвушки начинаютъ шить, поглядывая на Екатерину)

Анастасья.

Я рада ночь сидѣть,
Не жмуря глазъ; да только ты засни!

Екатерина.

Нѣтъ, няня, рано!

Анастасья.

Что ты, мать моя!
Да этакъ-ты и съ роду не ложилась,
Ужъ скоро запоетъ пѣтухъ

Екатерина.

Стѣснитесь!
Поближе, дѣвушки! Не опасайтесь!
Все кончено! Я не страшна ужъ болѣ! (плачетъ)

Анастасья.

Да этакъ ты здоровіе измучишь!
Не плачь, мое дитя; объ чемъ кручина? —

Екатерина.

Ахъ, Анастасья, поцѣлуй меня,
Какъ ты меня когда-то цѣловала!
Быть можетъ я о многомъ позабуду
О чемъ невольно помню..... О подруги!
Воображайте, что меня здѣсь нѣтъ
И ясныхъ глазъ комнѣ необращайте!

(закрывъ глаза, погружается въ раздумье)

Анастасья.

Запойте пѣсню, красныя! Быть можетъ
Ее уходитъ сонъ подъ вашу пѣсню.

Дѣвушки.

А что запѣть?.. Ты начинай! — Неладно
На сердцѣ у меня — Ты начинай,
Авось и мы подтянемъ.

Анастасья.

Начинайте!

Дѣвушки. (поютъ)

Не соловушко на вѣткѣ качается,
И не жаворонокъ въ синевѣ чернѣется,
Нѣтъ, то дятелъ стучитъ по дуплу порож-
нему,
Созываетъ звѣря хищнаго на чужое гнѣзды-
шко. —

Анастасья. (тихо дѣвушкамъ)

Смотрите, призадумалась; потише!
Авось ее сонъ сладкій одолѣетъ...

Дѣвушки (продолжая пѣть)

Ой ты дятелъ, дятелъ и злой и завистливый!
Самъ ты безъ гнѣздышка по бѣлу свѣту ма-
ешься;
Такъ тебѣ чужое очи колетъ гнѣздышко... —

Екатерина. (вставъ)

Довольно! О довольно! Въ простотѣ
Природы явственнѣе наша злоба,
Міръ полонъ зла. Не много добрыхъ зеренъ;
И тѣ плодотворить умѣютъ землю,
А сердце женское для нихъ безплодно!

—

Молчатъ! Въ устахъ ни слово не шелохнетъ!
Онѣ хотятъ мое подслушать сердце
И подсмотрѣть, что дѣлается въ немъ! —

—

Невинныя! Боюсь на васъ взглянуть!
Мнѣ стыдно будетъ встрѣтить ваши взоры....

(садясь)

Подруженьки, веселую запойте!

Дѣвушка.

Да чтожъ она смотрѣть на насъ не хочетъ!

Анастасья.

Не ваше дѣло! Шейте, припѣвайте,
А на Княгиню нечего зѣвать. —

Дѣвушки. (поютъ)

Какъ у нашего у ближняго сосѣда
Дѣвушка - звѣздочка проживала;
У него жена подруженька, молодешенька,
Словно солнце ясное, красовалася;
И любилъ ее сосѣдъ, и миловалъ
Ненаглядную, какъ куколку; —
И засѣла Дѣвѣ нà сердце
Дума тайная, дума черная:
Дай и мнѣ хозяйкой сдѣлаться,
Извести хозяйку прежнюю.....

Екатерина. (вскочивъ)

Молчите! — Кто васъ пѣснѣ научилъ?

(на улицѣ подымается большой шумъ; дѣвушки встаютъ)

Ахъ, няня, погляди, что это значитъ?
Такой порой, такой ужасный шумъ!

Анастасья. (протирая глаза)

Я было придремнула, мать моя!
Постой, я сбѣгаю и разузнаю. —

=

ВЫХОДЪ 5.

ТѢ-ЖЕ; кромѣ АНАСТАСЬИ.

(шумъ болѣе и болѣе усиливается)

Екатерина. (хватая за руки дѣвушекъ

Тѣснѣй! Дружнѣй! Кругомъ меня, кругомъ!
Сестрицы, ближе, ближе, ближе, ближе!
Ударьте пѣснь, чтобъ ничего не слышать!!..

(голоса за сценой)

Давайте намъ убійцу Михаила!
Давайте чародѣйку Катерину!!...

Екатерина.

Онъ не смолчалъ! Онъ все открылъ народу!
О заглушите пѣснію громовой,
Веселой, свадебной иль погребальной!!
Мнѣ все одно... — Подруженьки, кричите! —

Дѣвушки. (протяжно поютъ)

Во заглохшемъ полѣ, подъ
плакучей ивою,
Безъ могилы гробъ сто-
ялъ, гробъ стоялъ не-

Екатерина. (сжавъ руки и поднявъ очи къ небу)

Царю мой, Боже, милостивый Боже!
Будь милосердъ и къ грѣшницѣ несчастной;
Спаси меня отъ ярости народной;
Не выдай на съѣденье псамъ голоднымъ.
Минуетъ буря — въ мо-

запертый;
Мертвеца въ немъ не было, тотъ мертвецъ погуливалъ
По полю заглохшему, подъ плакучей ивою...

настырь пойду!
Отдамъ мои богатства въ пользу нищихъ;
Во всѣхъ Соборахъ отслужу молебень;
Жизнь поведу затворницей; не постъ,
А тяжкій голодъ, жажду наложу
На тѣло грѣшное Екатерины;
Сама себя ужасно истязаю;
Но только казнь земную отложи! —
Дай мнѣ покаяться, по-крайней мѣрѣ,
И бѣшенству народному не выдай!!..

═

ВЫХОДЪ 6.

ТѢ-ЖЕ и АНАСТАСЬЯ.

Анастасья.

Ну, отлегло! Проклятый Еретикъ
Налгалъ народу на тебя, что будто
Ты Михаила отравила. Благо,
Что Царь Стрѣльцовъ прислалъ, а то-бы худо
Пришлось намъ. — Отстояли молодцы!
Народу видимо невидимо;
Ревутъ, кричатъ: давайте, Катерину!
А тутъ Стрѣльцы какъ пріударятъ дружно....

Екатерина. (съ восторгомъ обнимая дѣвушекъ)

Благодарю, Творецъ, благодарю!
Я спасена, сестрицы, спасена!
Ахъ, няня, душенька, я спасена!!

Во всѣхъ Церквахъ велѣть молебенъ править;
Всѣмъ нищимъ — столъ обѣденный на завтра;
Всѣ бархаты мои, парчи и камки
Послать къ Успенію — на ризы. — Няня,
Стрѣльцамъ раздать три тысячи рублей!

Анастасья.

Стрѣльцы не что! — Ихъ было одолѣла
Толпа народная; да Воевода
Какой то проходилъ, да какъ прикрикнетъ,
Какъ выйметъ мечь, — такъ вся толпа — назадъ
Со страху-ужасу поотступила.

Екатерина.

Но кто-же онъ? — Кто изъ Бояръ надменныхъ
За бѣдную вступился Катерину? —

Анастасья.

Не знаю, мать моя! А малый страшный,
Плечистый и высокій! Передъ нимъ
Стрѣльцы, что карлы... Вотъ онъ...

ВЫХОДЪ 7.

ТѢ-ЖЕ и ЛЯПУНОВЪ.

Екатерина. (про себя)

Ляпуновъ!
Какъ? Мой спаситель — Ляпуновъ?.. Не вѣрю!
Но можетъ быть изъ всей толпы народной
Одинъ онъ не повѣрилъ?.. (громко) Воевода!
Позволь тебя благодарить....

Ляпуновъ.

За что?

Екатерина.

За жизнь. —

Ляпуновъ.

Неторопись, Екатерина!

(къ нянѣ и дѣвушкамъ)

Оставьте насъ! Проститесь навсегда
Съ Боярыней! Въ молитвахъ поминайте!
Она идетъ въ далекую обитель
И тѣсными закроется стѣнами!

Анастасья.

Помилуй, Батюшко! Ты нашъ спаситель.!..

Ляпуновъ. (грозно)

Прочь! Время драгоцѣнно! Удалитесь!
Ей нуженъ часъ покоя и молитвы!
Оставьте насъ! — (дѣвушки разбѣгаются, няня медленно за ними уходитъ)

═

ВЫХОДЪ 8.

ЕКАТЕРИНА и ЛЯПУНОВЪ

Ляпуновъ.

Екатерина,
Ты можешь-ли молиться?

Екатерина,

Не могу!

Ляпуновъ.

Я такъ и думалъ. — Бѣдная жена,
Что̀ совершила ты? —

Екатерина.

Убійство.

Ляпуновъ.

Да,
Убійство, но какое? — Ты не знаешь,
Не можешь знать, гдѣ Русь теперь стоитъ:
Безъ Ангела, и Царство можетъ сгибнуть!
Ты отправила съ Княземъ Михаиломъ
Святую Русь; — и Богъ велѣлъ судить
Судомъ земнымъ преступницу... Молись! (вынявъ ножъ)
Послѣдній часъ на этомъ остріѣ!
Я отстоялъ тебя, не для тебя;
Я жертву сохранилъ Великой тѣни —
И вотъ — пришелъ заклать ту жертву!...

Екатерина.

Боже.

Ляпуновъ.

Я самъ дивлюсь, чего еще я медлю!
Ты смерть несла спасителю отчизны,
Безъ трепета, ужасная жена; —
А я убить убійцу не рѣшаюсь....

Екатерина.

Не убивай меня, неубивай —
И я еще покаяться съумѣю! —

Ляпуновъ.

Съумѣешь-ли ты Князя воскресить?! —
О женщина безъ совѣсти и сердца,
Ты въ жизнь свою не плакала ни разу,
Не прижимала къ сердцу своему
Невиннаго ребенка или друга!
Ты та змѣя, что на родную матерь
Бросается стрѣлою ядовитой!
Ты то жерло, изъ коего Господь
Проклятія глаголетъ окаяннымъ! —

О еслибъ ты могла любить отчизну
И за нее страдать душей могучей;
Зане отчизна та въ кровавыхъ смутахъ,
Какъ въ бурномъ океанѣ утопаетъ; —
Ты-бъ поняла, кого ты отравила!...

За что, за что, — ты жаломъ ядовитымъ
Спасителя Отчизны уязвила?
О не за то-ль, что онъ тебя избавилъ
Отъ ложа срамнаго, отъ посмѣянья,
Отъ плахи, отъ работы, отъ темницы?
Что эту-Русь, родную нашу Русь
Онъ загадалъ очистить отъ соблазна?

О грѣшница, бывали преступленья;
Но твоему — нѣтъ равнаго примѣра! —

Екатерина.

О пощади, Прокопъ Петровичь!

Ляпуновъ.

Что?
Тебя щадить? Не думаешь-ли ты
Что состраданіе во мнѣ таится?
Что я способенъ пожалѣть того,
Кто всей Руси непожалѣлъ? — Увы!
Ты ошибаешься, Екатерина!
Я казнь тебѣ выдумываю... Страшно
Торжественно хочу казнить тебя
Во страхъ вѣкамъ, мучителямъ въ потѣху!

Екатерина.

Безчеловѣчный!

Ляпуновъ.

Я безчеловѣченъ!
И это говоритъ его убійца!

(увидавъ чашу)

Не это-ли сосудъ отравы тайной?
Не здѣсь-ли утонулъ Скопинъ несчастный?

(открывая чашу)

Не допита!! О строгій Судія!
Не для нея-ль ты сохранилъ отраву!?

(подастъ чашу Екатеринѣ)

Екатерина. (отклоняя чашу)

Спасите отъ разбойника!

Ляпуновъ (громовымъ голосомъ)

Молчать!
Благодарить! — Ты раздѣляешь чашу
Съ Божественнымъ избранникомъ Руси!
Отвѣдай! Го̀рька-ли твоя отрава?
Не обманулъ-ли Фидлеръ!.. На, отвѣдай!..

Екатерина. (на колѣнахъ)

Дай часъ на покаяніе...

Ляпуновъ.

Откушай!

Екатерина.

Минуту...

Ляпуновъ.

Поздно! Время улетитъ
И ты найдешь другое волхованье!
Пей, чашу, пей! (Екатерина пьетъ) О Боже Всемогущій!
Змѣя и Ангелъ въ той-же гибнутъ чашѣ!
Какъ малъ и величайшій человѣкъ!.. —
Отвѣдала? Нѣтъ мало Катерина!
Покойный Князь до смерти пилъ отраву;
Пей до конца и ты!

Екатерина.

Я не могу!

Ляпуновъ. (поднимая ножъ)

Пей, Аспидъ! Смерть на свѣтѣ не одна!
Благодари еще, что скоро кончилъ!
Не такъ хотѣлъ я истязать тебя!
Пей подъ ножемъ Прокопа Ляпунова!
Пей подъ Анаѳемой Святаго Царства!

(Екатерина допиваетъ)

Вотъ такъ!

Екатерина. (упустивъ чашу)

Прости меня, Прокопъ Петровичь!

(слышенъ прежній шумъ черни)

Всему конецъ! я каюсь предъ тобой!
Уже нельзя мнѣ къ жизни воротиться;
Не погуби души по крайней мѣрѣ!
Ты плачешъ, Ляпуновъ?

Ляпуновъ. (отирая слезу)

О какъ не плакать!
Исполненъ долгъ, но этотъ долгъ ужасенъ!
И къ преступленью должно сострадать.
Оно болѣзнь, недугъ души нетвердой!
Господь тебя прости, Екатерина! —

(поднимаетъ ее)

Ты такъ тверда, спокойна?!

Екатерина.

Совершилось!
Пока еще надежда въ жизни есть,
Да той поры волнуютъ грудь желанья,

*

Но если жизнь разорвана, — тогда
Другія ощущенья слышитъ сердце,

. . .

Какъ я слаба! Въ глазахъ позеленѣло!
Простятъ-ли мнѣ мой грѣхъ на небесахъ;
Простятъ-ли люди памяти преступной?

(шумъ усиливается; Екатерина съ омраченіи разсудка)

Ахъ, загорѣлся свѣтъ! Вотъ Силы Неба
На черныхъ тучахъ въ воздухѣ плывутъ!
Ты видишь-ли: собрался Страшный Судъ!
Гдѣ Царскій мечь, гдѣ Царская порфира? —
Вотъ молнія! — И загорѣлись души
Назначенныя аду; я одна...
Меня Господь и къ нимъ не причисляетъ;
Я ни Небесъ, ни ада недостойна...
Охъ, голова! На этой головѣ
Лежитъ одно единое злодѣйство!...
Какъ сердце съѣла смерть! Вся грудь пуста!
А голова раздавлена, разбита!....

Жизнь, жизнь! Плыветъ зеленый островъ въ морѣ!
Цвѣты на немъ, заморскія деревья,
Какъ воздухъ свѣжъ, какъ ароматенъ воздухъ!
То жизнь моя... Ловите, догоните!
Я утопаю... Тише! Вотъ онъ, вотъ онъ!
Ну, Слава Богу! Снова жизнь моя!
Потухъ пожаръ! Весь міръ въ святыхъ лучахъ;
Есть милость на землѣ — и въ небесахъ!

(падаетъ и умираетъ)

═

ВЫХОДЪ 9.

ТѢ-ЖЕ, АНАСТАСЬЯ и дѣвушки.

Анастасья.

Ахъ, батюшки! Спасайте, ради Бога!
Къ намъ ворвались злодѣи. Воевода,
Возьми свой мечь! Они тебя боятся!
Ахъ, Господи! Она мертва! Смотрите!..

═

ВЫХОДЪ ПОСЛѢДНІЙ.

ТѢ-ЖЕ, и Толпа народа съ факелами.

Народъ.

Гдѣ чародѣйка? = Спряталась, небось! =
Неотколдуешься теперь.

Ляпуновъ. (идетъ къ нимъ, всѣ отступаютъ)

Ни съ мѣста!
Разбойники! Есть Божій судъ безъ васъ!
И этотъ судъ надъ нею совершился! —
Она мертва!

Народъ.

Да вправду-ли мертва?
Змѣя всегда прикинется убитой,
Когда ее хотятъ убить.

Ляпуновъ.

Ни слова!

(обратясь къ трупу Екатерины)

Ты грѣшница, въ честолюбивой злобѣ
Великое свершила преступленье,
Но ты покаялась предъ страшной смертью
И памяти несчастной нѣтъ упрека.

(къ народу)

Молитесь-же за упокой души
Рабы усопшей Катерины Шуйской!

(Всѣ становятся на колѣна, занавѣсь опускается.)

КОНЕЦЪ.